

Дарья Донцова

В когтях у сказки

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

Дарья Аркадьевна Донцова
В когтях у сказки
Серия «Виола Тараканова. В мире
преступных страстей», книга 39

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20648309
В когтях у сказки : роман / Дарья Донцова: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-90252-1

Аннотация

Ура!!! Мне сказочно повезло! Меня, Виолу Тараканову, пригласили пожить в прекрасном отеле на берегу моря... совершенно бесплатно! Правда, я должна написать рекламный... любовный роман, действие которого происходит здесь и сейчас. Сей гениальный пиар-ход придумала владелица гостиницы Марина Лаврова, чтобы привлечь богатых и знаменитых клиентов. Но реальная жизнь предлагает свой сюжет – на территории отеля начинают умирать люди. За расследование берусь я и в случайности не верю. А в этом странном месте порой пробирает мороз по коже: то в грязевом озере находят мертвым моего знакомого Володю Неумывайкина, то прямо посреде бела дня всем предстает призрак ведьмы Трындычихи, некогда обитавшей в здешних местах...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	52
Глава 7	59
Глава 8	69
Глава 9	75
Глава 10	85
Глава 11	95
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Дарья Донцова

В когтях у сказки

© Донцова Д. А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Когда человек счастлив, он не знает об этом...

– Не поняла, – произнес звонкий девичий голос, – что ты сказал?

– Ты счастлива? – вместо ответа спросил юноша хриплым баритоном.

– Да нет, – откликнулась девушка.

– Почему? – продолжил ее собеседник.

– А чему радоваться? Не день рождения, не Новый год, подарков я не получала.

– Для тебя важно, когда что-то дарят? – уточнил юноша.

– Главное, когда событие какое-нибудь случается, – принялась объяснять его собеседница, – например, свадьба, ребенок родился, переезд в новую квартиру, или я в колледж поступила в Америке, получила там стипендию на обучение.

– Значит, в год ты будешь радоваться дважды, – хмыкнув, подытожил парень, – в днюху и тридцать первого декабря. Ну ладно, еще разок – когда студенткой станешь. А в остальное время? Вот сегодня, допустим, двадцать третьего августа.

– Нормальный день.

– То есть ничего приятного?

– Я этого не сказала, – рассердилась девушка. – Нормально, это когда ничего не происходит, ни хорошего, ни плохого.

го. Юра, ты философствуешь на пустом месте.

– Вот об том я и говорил! – обрадовался ее собеседник. – Лена, ты сегодня весь день была счастлива, но не знала об этом.

Мне стало интересно, кто беседует на скамейке у стены дома, я встала с кресла, перегнулась через перила балкона, на котором дышала морским воздухом, и взглянула вниз. На лавочке сидели двое. Лиц их я не видела, только макушки. На девочке было то ли серое, то ли голубое платье, на юноше джинсы и футболка. Около паренька лежала небольшая сумка. На столике, придвинутом к скамейке, в свете фонаря ярко блестел красный прямоугольный пакет с черной надписью «ОПС!!!», явно наполненный то ли печеньем, то ли конфетами. Я отошла от перил и села в шезлонг.

– Заумно ты выражаешься... – протянула девочка.

Юра стал объяснять:

– Ну вот смотри, сейчас мы с тобой сидим на скамейке, не спим, как все, после отбоя. Кстати, я принес твои любимые чипсы... – послышался шорох пакета. Затем снова зазвучал баритон: – Луна светит, тепло, у тебя сарафан красивый... Разве это не счастье?

– Конечно, нет! – фыркнула Лена. – Платье не модное, старое, новое мне никто покупать не собирается, скамейка жесткая...

– Пройдет время, – продолжал Юра, – случится какая-нибудь беда, например, умрет кто-то из твоих близких, и ты

подумаешь: «Был в моей жизни вечер, сидела я на скамейке после отбоя, чипсы ела, вот тогда я была счастлива, но не понимала этого».

– Идиот! – выкрикнул девичий голос.

Раздался шорох гравия.

– Лен, ты чего? – удивился Юра.

– Не хочу с дураком разговаривать, – донеслось издалека. – Сам свои мерзотные чипсы жри! Вам же не подходит ко мне ближе, чем на километр. Ты как Растиньяк, такие плохо заканчивают!

Стало тихо. Спустя минуту я почувствовала запах дыма.

– Юра, ты куришь? – тут же воскликнул внизу женский голос.

– Здравсти, Светлана Иосифовна, – откликнулся парень.

– Мы уже много раз нынче виделись.

– Полночь прошла, наступил новый день, сегодня мы еще не встречались.

Светлана Иосифовна засмеялась.

– Хитрец! На территории Дома здоровья нельзя курить.

– Я же не в интернате, а возле корпуса гостиницы.

– Сигарета убивает человека.

– А капля никотина отправляет на кладбище лошадь, – хихикнул юноша.

– Короче, хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало, а ты, Завьялов, в одной футболке. Ступай в свою комнату! – велела дама.

– На мне еще джинсы и кроссовки, – продолжал веселиться Юра. Затем решил позанудничать: – Кстати, если людей двое, то это не значит, что они насморк не подцепят.

– Что-то я тебя не поняла, – явно растерялась собеседница.

– Вы сказали: «Хватит тут сидеть в одиночестве, простудишься, сыро стало». Из логики фразы следует: будь на скамейке несколько человек, я был бы гарантирован от болезни, – объяснил юноша. – Вообще-то мы тут находились вдвоем с Леной, но она почему-то разозлилась и убежала, даже свои любимые чипсы не открыла. Не понимаю я женщин! Ленка меня сама погулять пригласила, сказала: «Поговорить надо об очень важном деле». И что? Сначала завела разговор о книгах, все спрашивала: «Эту читал? Такую в руки брал? Вспомни повести французских авторов...» Меня прям затошнило, не люблю я романы. Но ничего обидного я Фокиной не говорил, наоборот, соглашался с ней, врал: «Да, да, знаю эти книги, очень интересные». И что? Лена рассвирепела. Спрашивается, зачем она меня звала?

Светлана Иосифовна засмеялась.

– Юра, ты, наверное, ей что-то очень философское завернул. Ты нравишься Фокиной. Она сама рискнула тебя на свидание пригласить и, скорее всего, говорила о книгах, где про любовь написано. Думала, ты поймешь, что она тебе на свои чувства намекает. А ты небось, как обычно, стал рассуждать о смысле жизни.

– Ничего подобного я не изрекал, – вздохнул Юра и пересказал свою беседу с Леной.

– Ты допустил бестактность, – объяснила Светлана Иосифовна, когда паренек замолчал, – не стоило говорить Фокиной: «Случится какая-нибудь беда, умрет кто-то из твоих близких».

– Человек понимает, что был счастлив, только в момент, когда с ним происходит несчастье, – обрадовался поводу поспорить Юрий. – Ленка сидела надутая, вот я ей и объяснил: пока настоящее горе не подкатило, ты в полном порядке, но не понимаешь этого. Осознание того, как был счастлив, приходит в момент беды. К примеру, человек стоит у гроба и думает: «Вот, оказывается, как горе выглядит! Почему я, дурак, раньше не радовался, когда этого не знал?»

Светлана Иосифовна протяжно вздохнула.

– У тебя родители живы?

– Ага.

– А бабушки, дедушки?

– Никогда их не видел. Отец из дома в пятнадцать лет сбежал, потому что ему запрещали в ресторане петь, он с предками не общается. И моя мать тоже.

– Значит, тебе не доводилось у могилы стоять?

– Ну, нет...

– Зачем тогда рассуждаешь на эту тему? Знаешь, когда заколачивают гроб, люди не философствуют, они просто плачут, – сказала воспитательница. – Ты пока не столкнулся ли-

цом к лицу со смертью, а у Фокиной, увы, есть такой опыт. Ее мать умерла, отец вскоре снова женился. У мачехи была своя дочь, Лене места в новой семье не нашлось, девочку отправили к нам. Зря ты ей это сказал.

– Но я же не знал! – начал оправдываться Юра.

– Незнание закона не освобождает от ответственности. Ты в одиннадцатый класс пойдешь, пора научиться думать, перед тем как что-то сказать, – сурово заявила Светлана Иосифовна. – Безусловно, ты мальчик с нестандартным мышлением, но мне порой кажется, что ты чересчур гордишься своим умом и презираешь тех, кто смотрит сериалы и читает, как Лена, книги про любовь или детективы. Это гордыня, Юра, а она смертный грех. Можно мне угоститься чипсами? Очень их люблю.

– Конечно, угощайтесь, – разрешил Юра. И вдруг ляпнул: – Но чревоугодие тоже грех.

Светлана Иосифовна рассмеялась.

Я услышала хруст пакета, потом педагог спросила:

– А почему ты так поздно учиться пошел? Тебе уже семнадцать, а ты еще школу не окончил.

– Отец по гастролям мотался, – объяснил Завьялов, – забыл, что ребенка в первый класс записывать надо. Гувернанткой у меня была англичанка, которая вообще ничего по поводу образования в России не знала. Я бы, наверное, попал за парту в возрасте, когда паспорт получать надо, но, на мое счастье, очередная любовница папаши оказалась учил-

кой. Видно, я ее здорово доставал: хочется тетке с рок-звездой романтический ужин устроить, а тут, ё-мое, мальчишка по дому шастает. Вот она однажды и спросила у папахена: «А почему твой сын гимназию не посещает?» Кумир миллионов удивился: «Уже пора? Юрка, тебе сколько лет?»

Завьялов рассмеялся.

– А мама-то почему не беспокоилась? – поразилась Светлана Иосифовна.

– Так она от отца удрала, когда мне еще года не исполнилось, – хмыкнул Юра, – ведь с рок-звездой жить – вообще офигеешь. Сейчас мамахен вроде где-то в Америке. Или в Англии, точно не знаю.

Стало тихо, потом учительница слишком весело воскликнула:

– Твоя ситуация, конечно, непростая. Но, подумай, кое-кто из детей остается сиротой, их определяют в обычный интернат. Ребята живут в комнатах на десять человек, не имеют хорошей одежды, не получают достойного образования, у них нет ясных жизненных перспектив. А вы в Доме здоровья в гостях у сказки.

– В когтях у сказки, – фыркнул Юра. – Светлана Иосифовна, хоть вы эту дурацкую фразу не повторяйте.

– Что не так? – удивилась педагог.

– Анна Семеновна, наша директриса, постоянно твердит: «В гостях у сказки», – протянул парень, – если кто из воспитанников жалуется, ноет, у нее один ответ: «В Доме здоровья

вы просто в гостях у сказки. Совсем не каждому так везет. Не надо злиться на родителей, они обеспечивают вам настоящий рай». А мне постоянно хочется ей возразить: «Мы в когтях у сказки, нам из этой сказки некуда деться, не убежать из нее, не уехать, не избавиться».

Снова повисла тишина. Затем раздался голос воспитательницы:

– Иди спать, уже поздно. Мы сидим у коттеджа, где живут люди, вероятно, мешаем им спать.

– Никто же не злится, – возразил Юра, – не орет из окна.

– Но это не значит, что мы не потревожили жильцов, – заметила Светлана Иосифовна, – просто здесь интеллигентные люди поселились. Они заплатили большие деньги за отдых и наверняка хотят покоя. Странно, что вы с Леной устроились тут. И, если честно, меня удивило, что ты общаешься с Фокиной. У нее совсем другие интересы, нежели у тебя. Вы, как мне кажется, не подходите друг другу.

– Да она меня сама пригласила, я уже говорил, – пояснил Завьялов. – Ленка мне совершенно не нравится, я на свидание пошел, потому что она тумана напустила: «Очень поговорить надо о крайне важной вещи». Я подумал, вдруг ей помощь моя понадобится? Что же касается интересов... Не совпадают, да и фиг с ними. Главное в паре – общность грехов. Я ворую в магазине, и она ворует в магазине – это свяжет крепче, чем совместное собирание марок.

– Юра, ты занимаешься кражами? – ахнула педагог. – Ты

же из богатой семьи!

– Вы такая смешная... – протянул паренек. – Считаете, что обеспеченный человек не пойдет тырить с прилавков, потому что у него карман баблом набит? А девчонка с платиновой кредиткой никогда не станет проституткой? Светлана Иосифовна, богатство не панацея от дурного поведения, очень часто даже наоборот. У нас в интернате живет один кент, который спокойно весь приют скупить может, а он на местном базаре шмотки прет. А потом их выбрасывает.

– Господи, зачем он это делает? – поразилась Светлана.

– А зачем ему дерьмовые вещи? – усмехнулся Юрий.

– По какой причине твой друг ворует, если у него есть деньги на покупки? – продолжала недоумевать его собеседница.

– Светлана Иосифовна, вы, как все люди, которым тугриков еле-еле хватает, полагаете, что, став богатой, решите любые проблемы с помощью кошелька, – произнес юноша. – Но это не так. Миллионное состояние не делает человека нравственным. Если он не вор, то, даже умирая с голоду, ничего не сопрет, а если ворюга, то и с полным кошельком тырить будет. Кстати, тот идиот вовсе мне не друг. А вещи он крадет ради драйва, адреналина ему не хватает.

– Немедленно назови его имя! – потребовала воспитательница.

– Может, я и зануда, может, и правда Фокину обидел, но уж точно не стукач, как некоторые, – раздалось в ответ. – И,

кстати, насчет того, что я из богатой семьи. Мне отец бабло лопатой не отсыпает, я совсем небольшую сумму от него получаю раз в три месяца. Спокойной ночи.

– Чипсы возьми, – напомнила Светлана Иосифовна.

– Я их не люблю, – пробормотал Юрий, – картофель в любом виде ненавижу.

– И мне так казалось, – сказала педагог, – заведующая столовой постоянно жалуется, что ты пюре не ешь.

– Верно, – согласился паренек. – Этот овощ напоминает мне по вкусу жидкие витамины, которыми меня нянька в детстве поила.

– Зачем тогда чипсы картофельные купил? – удивилась его собеседница.

– Для Ленки принес, – пояснил Юра, – она от них тащится. Но Фокина обиделась и убежала. Ешьте, Светлана Иосифовна, раз вам нравится. Вы такие часто в баре у Романа покупаете, Ленка их там же всегда берет.

– Ох, уж эти дети, – рассмеялась педагог, – не скроешь от них свои слабости. Грешна, люблю чипсы, готова жевать их целый день. И те, которыми торгует Роман, настоящие, а не спрессованная неизвестно из чего гадость.

– Вы с Фокиной в этом совпали, – протянул Юра, – Ленка тоже так говорит и чипсы постоянно лопает, обожает их. Угощайтесь, Светлана Иосифовна, на здоровье.

– Спасибо, – ответила та, – с удовольствием. Ты все же иди в корпус, давно пора спать.

– Давайте я вас до маршрутки провожу? – предложил Юрий. – А то поздно.

– Какой ты галантный, – засмеялась педагог. – Нет, не надо, да и последний микроавтобус давно ушел.

– Как же вы домой доберетесь? – удивился Завьялов.

– На велосипеде, – пояснила Светлана Иосифовна, – он у административного корпуса стоит. Работникам интерната не разрешают по территории гостиницы ездить, либо кати в объезд лишние два километра, либо оставь «коня» и шагай пешком. Я второе предпочитаю. Наша хозяйка Марина Ивановна добрый человек, но она терпеть не может, когда ее указания не выполняют. Ну все, иди, Юра. А я посижу тут в тишине, свежим воздухом подышу, чипсы поем. Мне спешить некуда, дома-то нет никого. Отдохну – и в путь.

– Спокойной ночи, Светлана Иосифовна, – попрощался парень.

– И тебе хороших снов, дружочек, – откликнулась педагог. Раздался звук шагов по гравию, потом шуршание пакета. Я ушла с балкона, закрыла дверь, легла на широкую кровать под парчовым балдахином, схватила с тумбочки коробку швейцарских шоколадных конфет и взяла одну. Где я нахожусь? Что здесь делаю? Сейчас объясню.

Глава 2

Неделю назад мне позвонила Эвелина Самойлова и вкрадчиво спросила:

– Вилка, ты уже летала отдыхать?

– Пока нет, – ответила я. – Собиралась на море в сентябре, тогда там народу меньше и нет семей с чадами. Я нормально отношусь к детям, но некоторые из них отвратительно ведут себя – кричат, безобразничают, капризничают, могут даже запустить руку в твою тарелку. А их мамы только улыбаются и сюсюкают: «Ой, она такая маленькая! Правда, моя доченька очаровательна, когда плюется в вас хлебом? Хорошенькая такая! Ути-пути, кисонька!»

Эвелина рассмеялась.

– Смотри не скажи то же самое журналистам, ведь детьми положено восторгаться.

– Только в том случае, когда они хорошо воспитаны, – возразила я.

– Напиши для моего журнала книгу, – неожиданно попросила Самойлова.

– Спасибо за предложение, но у меня со временем беда, – отказалась я.

– Сначала выслушай мое предложение до конца, – попросила Эвелина. – Ты ведь знаешь, на кого рассчитано наше издание?

– На богатых и знаменитых, – ответила я, – роскошные журналы на бумаге наивысшего качества бесплатно распространяются по поселкам, расположенным на Рублево-Успенском, Новорижском и Ильинском шоссе.

– Отмечу, что не по всем, а лишь по самым пафосным, – уточнила Лина, – они лежат в СПА в Жуковке, в элитных медцентрах, фитнес-клубах. Наша аудитория – жены, дети и любовницы олигархов, политиков и крупных чиновников. Так вот! Владимир Петрович Фафайкин, ты, конечно, его знаешь...

– Впервые о нем слышу, – возразила я.

– Вилка, как ты ухитрилась ни разу не встретиться с Володей? – ахнула Лина. – Хочешь сказать, что никогда не посещала его вечера в поместье «Вольдемар»?

– Не-а, – призналась я, – не люблю тусовки и не принадлежу к миру богатых людей.

– Господи, – запричитала Эвелина, – ты невыносима! Нельзя сидеть взаперти и бегать исключительно по маршруту дом-издательство. Эдак никогда не найдешь себе правильного мужа.

Я вздохнула.

Самойлова когда-то работала секретарем у Ивана Николаевича, хозяина издательства «Элефант». Тогда она была милой, улыбчивой девушкой, с которой я, Виола Тараканова и одновременно писательница Арина Виолова, быстро подружились. Я знала, что Лина живет с родителями, мечтает о

собственной маленькой квартире, о скромной малолитражке и копит деньги на летний отдых. Самойлова ничем не отличалась от девушек ее возраста, ну разве что была красивее многих. Но она никогда не пользовалась своей внешностью для обретения финансового благополучия. Эвелина мечтала выйти замуж, старательно искала жениха, бегала по разным вечеринкам, однако о богатом муже не думала. Она влюбилась в скромного компьютерщика Петю, у которого часто не хватало денег на булочку с корицей, и позвала меня на свадьбу подружкой невесты. Хорошо помню скромное торжество, устроенное дома родителями Самойловой, крохотную пеналообразную комнатку, которую старшее поколение отдало молодым. Эвелина быстро забеременела, денег у них с Петей не было совсем, и я часто покупала их маленькому сыну вещи в подарок. А потом... Компьютерщик Петя подумал-подумал и основал социальную сеть «Друзья». Спустя некоторое время на семью полился золотой дождь. Сейчас у Лины трехэтажный дом, автопарк иномарок, огромные, забитые дорожущими вещами гардеробные, а сама она является главным редактором журнала, который никогда не попадет в руки неимущего человека. Кроме меня, друзей из прежней жизни у Самойловой не осталось. А я стараюсь пореже заезжать к ней в гости – мне не очень уютно в ее доме площадью в два квадратных километра, заставленном вычурной мебелью. Да и разговор о последних коллекциях Шанель и Диор я поддержать не могу, потому что не являюсь

клиенткой этих модных домов.

Будучи сама счастлива замужем, Эвелина изо всех сил старается пристроить госпожу Тараканову в хорошие руки, ругает меня за нежелание участвовать в вечеринках. Вот и сейчас она рассердилась.

– Хочешь умереть старой девой в окружении кошек? – вопрошала Самойлова. – Фафайкина она не знает... Да это ж все равно что про Пушкина ничего не слышать! Может, и Леню Горелова ты не знаешь?

– Ну, извини, – пробормотала я.

– У Лени была первая жена, – быстро затараторила Лина, – у той второй муж, у которого есть сын от третьего брака его четвертой супруги. Звать Сережей.

– Не женское имя, – робко заметила я.

– Чье? – не поняла Самойлова.

– Сережа, – повторила я, – ты сказала, так зовут четвертую супругу.

– Каким местом ты меня слушаешь? – возмутилась Эвелина. – Сережа это пасынок Лени от Кати, та жена Андрюши, который раньше жил с Раей, а потом с Ниной, чья дочь родила Фафайкину внука от Кости. Сейчас Ленька снова холост. Он тебе очень подходит, я должна вас познакомить.

– А при чем тут твой журнал? – спросила я. – И этот... Таратайкин...

– Слушай молча! – потребовала Самойлова. – Речь идет о Фафайкине, про Таратайкина мне ничего не известно, а раз

я мужика не знаю, то тебе его в мужья не рекоммердую.

Минут через десять мне наконец-то стала понятна суть предложения подруги.

У хорошо известного всем, кроме меня, господина Фафайкина есть жена Марина. Чтобы супруга не пела постоянно кантату под названием «Дай денег», Владимир подарил ей бизнес. Он купил здоровенный кусок земли у теплого моря, построил там не очень большую гостиницу и интернат для детей, у которых есть проблемы со здоровьем. Марина твердой рукой стала управлять делом. К услугам постояльцев есть все, что душа пожелает: бассейн, СПА, фитнес-зал, ресторан, бар, караоке, катание по горам на лошадях и квадроциклах, экскурсии по разным развалинам и так далее, всего не перечислить. А если чего-то в отеле нет, то постояльцу надо лишь сообщить администратору о своем желании, и то, чего не хватает, будет ему непременно предоставлено.

Стоит ли упоминать, что один день в сем раю стоит немалых денег?

Гостиница госпожи Лавровой (жена не захотела менять фамилию от первого мужа и стать Фафайкиной) процветала. Но в последний год у Марины начался отток клиентов. Владелица роскошного отеля забеспокоилась и решила использовать рекламу. Однако понимая, что банальное объявление типа: «Посетите нас – получите бонус» потенциальных отдыхающих от ее элитного заведения отпугнет, тут надо действовать тонко и ненавязчиво, Марина посоветовалась

с Эвелиной. А у той родилась гениальная идея: нужно попросить популярную писательницу написать любовный роман, действие которого будет происходить именно в отеле Лавровой, Самойлова опубликует нетленку в нескольких номерах своего журнала. Народ будет читать его, увлечется и повалит туда, где происходят события. Дальше объяснять не надо.

Чтобы правильно описать интерьеры, обстановку в номерах, территорию, изысканность предлагаемой еды и прочее, писательница поселится на какое-то время в гостинице. Понятное дело, за свое пребывание-питание-посещение СПА она не заплатит ни копейки, наоборот, еще получит гонорар за книгу. А если роман окажется интересным и клиенты полетят по нужному адресу, как мотыльки к фонарю, писательницу будут ждать дорогой гостьей раз в году бесплатно.

– Я сразу вспомнила о тебе, – тараторила Самойлова. – Разве плохо – ты отдохнешь, покайфуешь, а заодно набросашь сотню страниц увлекательного чтения.

– Я автор детективов, – напомнила я, – любовные истории не мой жанр.

– Ерунда! – рассердилась Эвелина. – Какая разница? Пусть у тебя там кого-нибудь убьют, главное, в момент секса. Постельные сцены народ обожает. Побольше страсти, пожарче сцены, и все будет о'кей. Согласна? Это же классно – бесплатный отдых плюс заработок. Ты довольна, что я тебе такую работенку нарыла?

Я вздохнула, хотела возразить, но Лина не дала мне и сло-

ва вымолвить:

– Да что я спрашиваю, глупый вопрос, ты, конечно, согласна. Короче, улетаешь в среду на частном самолете. Я тебя обожаю! Ты лучше всех справишься с задачей. Бай-бай!

Сначала я рассердилась на слишком авторитарную Эвелину, которая все решила за меня. Но потом остыла и оценила привлекательность ее предложения по достоинству...

И вот позавчера меня доставили в райское место. Одного дня хватило, чтобы понять: так я еще никогда не отдыхала. Разные иностранные курорты, где горничные самозабвенно сооружают из полотенец лебедей, а в ресторанах радуется глаз обильный шведский стол, померкли в сравнении с обслуживанием в отеле с простым названием «Море». Махровые полотенца здесь никто не превращал в скульптуры, и большого количества яств в ресторане не было. Но после первого завтрака ко мне неслышно приблизилась официантка и нежно пропела:

– Извините, госпожа Виолова, мы подали вам стандартный брекфест, а теперь готовы выполнить любой ваш заказ. Что желаете на обед?

– Можно меню? – попросила я.

– Его у нас нет, – улыбнулась женщина, – просто скажите, чего хотите. Любое блюдо. Его приготовят лично для вас.

Я подумала, что это маркетинговый ход и знание психологии клиентов, которые скорее всего просят что-то стандартное: морских гадов, телятину, курицу, – и решила поставить

перед поваром невыполнимую задачу. Поэтому мечтательно произнесла:

– Один раз в Грузии меня угостили потрясающей ачмой и принесли в сковородке «Обед бедного менгрела». Ей-богу, не помню все составляющие блюда, но от души тогда позавидовала тому неимущему горцу, очень уж вкусно он ел.

– Будет исполнено, – пообещала официантка и ушла.

Я отправилась купаться, посмеявшись про себя и зная, что во время обеда увижу на столе куриную грудку с брокколи, одобренную рассказом о том, что подвезти нужные продукты для выполнения моего заказа не успели. Но представьте мое изумление, когда официантка принесла ачму и круглую железную сковородку с тем самым пресловутым обедом бедняка-менгрела. Я без остатка слопала и то, и другое. Смею вас заверить: в Грузии оба блюда были приготовлены хуже.

Добавлю, что на полдник я объелась пончиками невероятной вкусноты. В общем, первый день у меня прошел замечательно.

Около восьми вечера в местном кафе, расположенном в парке, появилось несколько симпатичных, хорошо воспитанных подростков, которые, заказав чай с пирожными, тихо обсуждали свои дела. В девять часов бармен ударил в небольшой колокол и объявил:

– Через полчаса в Доме здоровья отбой.

Ребята безропотно поднялись и пошли к выходу. Один парень обернулся и попросил:

– Роман, запишите на мой счет. Это я всех угощал.

– Конечно, Алексей, – кивнул человек за стойкой.

Я доела кусок очень вкусного яблочного пирога и попросила счет. Бармен принес кожаную папочку.

– Вас Романом зовут? – уточнила я.

– Да, госпожа Виолова, – улыбнулся он.

– Мы знакомы? – удивилась я.

– Лично нет, но нас предупредили о прибытии любимой всеми писательницы. К тому же я не раз видел вас по телевизору, – пояснил бармен. – Может, еще что-то желаете? У меня сегодня на редкость удачный ванильный пудинг!

Не успела я сказать и слова, как с порога закричали:

– Рома! Упакуй живо фруктовые кексы в коробку, да смотри, чтобы не попались мятые!

Я повернула голову на звук и увидела девушку лет шестнадцати, разодетую, как дочь африканского вождя. На ней были красная мини-юбочка и усыпанная стразами короткая футболка, открывающая пупок, в котором торчала серьга с ярко-зеленым камнем, слишком большим, чтобы быть изумрудом. Обута красавица была в сандалии с ремешками, завязанными крест-накрест аж до круглых коленок. Серьги, золотые цепочки-браслеты, часы, сумочка с логотипом Шанель и разноцветные ногти на руках и ногах прилагались в комплекте.

– Простите, Надежда, через пять секунд я выполню ваш заказ, – ответил Роман и снова спросил у меня:

– Так вы попробуете ванильный пудинг?

– Эй, ты что? – снова заорала девица. – Кексы мне немедленно! Ты назвал меня Надеждой, но для прислуги я госпожа Шилова. Смотри, пожалуюсь папе на твое хамство, получишь коленом под зад!

У Романа непроизвольно дернулось веко.

– Займитесь девушкой, – посоветовала я, – я не тороплюсь.

Пока Роман аккуратно укладывал в коробку маффины, девица безостановочно командовала:

– Шевели лапами быстрее! Что ты как сонная муха двигаешься? Тьфу, прямо пнуть хочется!

Когда Роман начал завязывать картонку лентой, девчонка выхватила у него коробку.

– Не надо красотищи, все равно открывать. Деньги сними с моего счета. Их там лом, могу твой шалман целиком купить и не замечу, что бабла меньше стало.

Забыв поблагодарить Романа и не подумав сказать ни ему, ни мне «до свидания», красотка улетела.

Глава 3

– Простите за задержку, – извинился бармен, приблизившись к моему столику.

– Вы были вынуждены обслужить нервную клиентку, – сказала я. – Она из интерната?

– Да, Надежда живет в Доме здоровья, – пояснил Роман.

– Судя по тому, что вы звонили в колокол, группа подростков, ушедшая ранее, тоже оттуда, – предположила я. – Надо же, какие разные дети.

Роман потупился.

– Не бывает одинаковых людей.

– Но они совершенно не похожи на больных, – удивилась я. – Ребята выглядят абсолютно здоровыми и явно обладают хорошим аппетитом.

Бармен, склонив голову, понизил голос:

– Марина Ивановна предупредила, что вы пишете о нас книгу.

– Надеюсь, она получится интересной, – кивнула я.

– Хозяйка просила отвечать на все ваши вопросы, – продолжал бармен, – кроме тех, на которые отвечать нельзя.

Мне стоило больших усилий не рассмеяться. Отличное распоряжение! Вторая его часть почти исключает первую.

Роман покосился на дверь и сказал:

– Действительно, те, кто живут в интернате, прекрасно се-

бя чувствуют. Я имею в виду физически, а вот с душой у них... проблемы.

– В приюте содержатся воспитанники с психическими заболеваниями? – удивилась я. – Шизофрения? Тяжелая депрессия?

– Что вы! – испугался бармен. – Ничего такого я не говорил! У одного из парней из той компании отец очень популярный эстрадный певец, который постоянно пребывает на гастролях. С женой он давно в разводе, она подарила сына бывшему мужу, а тому совершенно не до отпрыска. В двенадцать лет мальчик оказался здесь, сейчас ему восемнадцать. Домой он никогда не ездит, отец его у нас не появляется и много денег сыну не дает. Папаша девочки, которая забирала кексы, крупный политик, находится на вершине власти. С супругой он тоже в разводе, та после разрыва покатила вниз: наркотики, алкоголь и так далее. Ее убили, ограбили квартиру. Слава богу, дочь в тот момент в школе была. Отец Нади снова женился, но мачеха была не в восторге от падчерицы, и девочка оказалась в Доме здоровья. Папаша ощущает перед ней вину и осыпает деньгами. Собственно, все живущие в интернате ребята из очень богатых влиятельных семей. Есть среди воспитанников мулатка, она незаконная дочь русского олигарха и темнокожей модели из-за океана. Когда дочурке исполнилось десять, мамочка улетела назад в Америку, «забыв» малышку в России. Отец сдал девочку сюда. У каждого здешнего ребенка своя история, вы правы, все они

разные, но есть одно объединяющее их: БННД.

– Что? – не поняла я.

– Богатые, никому не нужные дети, – расшифровал аббревиатуру Роман.

– При чем тут тогда здоровье? – решила уточнить я. – Почему приют носит такое название?

Роман усмехнулся.

– Неудобно же на вопросы журналистов: «Где ваш сын? Отчего он с папой не живет?», честно отвечать: «Моя вторая супруга ненавидит парня, я запрятал его подальше, чтобы она успокоилась». Намного удобнее говорить: «Увы и ах, у сына проблемы с сердцем. Врачи рекомендовали отправить его на море, тамошний воздух творит чудеса, он живет в Доме здоровья временно»

– Ясно, – вздохнула я. – Сколько я вам должна за вкуснейшее угощение?

– Для вас все бесплатно, – улыбнулся Роман. – Таково распоряжение хозяйки – вы живете по системе «все включено». Кстати, детские покупки записываются на счета, которые пополняют их родственники, деньги я снимаю оттуда. Несмотря на капиталы родителей, кое у кого из интернатских ребят средств даже на кофе нет, им копейки выделяют.

– Здесь неподалеку есть город? – продолжила я расспросы.

– Два поселка, – ответил бармен. – В Гуранове около двадцати тысяч живет, а тамбовское население чуть больше.

– Тамбов далеко отсюда, – удивилась я.

– Тамбовск, – уточнил Роман. – Раньше здесь совхоз с таким названием был, в годы перестройки он развалился, теперь это просто городок. Можете туда на экскурсию съездить. В Гуранове достопримечательностью являются развалины крепости, музей и предсказательница бабушка Соня, а в Тамбовске рынок, где продают симпатичные сувениры: бу-сы из ракушек, шкатулки и снимки с обезьянкой. Везде много отдыхающих, чуть ли не каждый житель комнаты сдает. Есть кафе, но трапезничать там не советую: бывал кое-где на кухне – сплошная антисанитария. И пляж грязный. Лучше вам у нас купаться и обедать-ужинать. Сам в Тамбовске живу, уж поверьте, хорошо местные порядки знаю...

Я взглянула на часы и зевнула. Ну все, время позднее, хватит предаваться воспоминаниям о том, как прошел первый день. Я повернулась на бок и заснула.

* * *

– А-а-а-а! – закричал кто-то на улице. – А-а-а-а! Помогите!

Вскочив с кровати, я застыла на месте, в первую секунду не сообразив, где нахожусь. С улицы опять донеслось:

– А-а-а-а!

Очнувшись, я выбежала на балкон, перегнулась через перила и увидела женщину в форме горничной, которая стоя-

ла, закрыв лицо руками.

– Что случилось? – спросила я.

– Она там! – заголосила тетка. – Лежит!

Я вернулась в номер, надела халат, сунула ноги в тапочки, сбежала вниз, посмотрела на бейджик на блузке служащей и попыталась ее успокоить.

– Галина, перестаньте кричать.

– Не могу! – заорала она.

– Ладно, тогда вопите, – разрешила я. – Но имейте в виду, Марина Ивановна может вас сегодня же уволить за нарушение тишины. Что случилось?

– Светлана Иосифовна... она... – уже тише произнесла

Галина, всхлипнула и замолчала.

– Ну, продолжайте, – попросила я.

Горничная показала пальцем на скамейку у стены коттеджа.

– Там... за лавкой...

Я заглянула за спинку деревянной скамьи и увидела женщину, лежавшую на боку. Лицо ее было повернуто в мою сторону, и мне сразу стало понятно – незнакомка мертва.

Непроизвольно отпрянув в сторону, я постаралась прийти в себя.

– Галя, сядьте и подышите спокойно.

– Сест? Сюда? Да никогда! – подпрыгнула горничная. – Там же Светлана Иосифовна лежит.

– Ладно, – кивнула я, – тогда я останусь здесь, а вы позо-

вите Марину Ивановну.

– Нет, нет, я боюсь, хозяйка очень строгая, – зачастила Галина.

– Значит, придется мне идти к Лавровой, – согласилась я. – А вы стойте тут, постояльцев к скамейке не подпускайте. Хотя сейчас пять утра, навряд ли кто-нибудь гуляет в столь ранний час.

– Нет, нет, мне ужасно страшно, – зарыдала Галина. – Светлана Иосифовна умерла-а-а! Ой, мне плохо... Тошнит... Голова заболела, сейчас упаду...

– Только, пожалуйста, падайте вон в те кусты, чтобы на дороге не лежать, – разозлилась я, вынимая телефон. – Алло! Эвелина? Извини, не знаю, сколько сейчас времени в Москве, здесь начало шестого утра. Возникла проблема, но у меня нет мобильного номера Лавровой...

Минут через десять после того, как я ввела в курс дела Самойлову, около коттеджа появились двое парней с носилками, за ними шла растрепанная Марина Ивановна. Она взглянула на съезжившуюся Галину и сделала движение рукой. Горничная шмыгнула за угол коттеджа. Молодые люди молча подняли тело Светланы Иосифовны и унесли. Через секунду возникла тетушка с граблями и секатором. Она начала обрезать поломанные ветки куста, в котором недавно лежал труп.

– Что вы делаете? – не выдержала я.

Садовница замерла.

– Работай, работай, – велела ей хозяйка имения, потом посмотрела на меня. – Виола Ленинидовна, огромное спасибо, что сообщили мне о неприятности. Стоит ли просить вас никому о происшествии не рассказывать? В гостинице в основном женщины, не хочется их пугать.

– Я понимаю, что ни один отель в мире не станет ставить постояльцев в известность о гибели сотрудника, – сказала я, глядя на тетку, которая быстро сгребала мусор и запихивала его в мешок, – но, думаю, полиция будет недовольна, ведь ваша служащая нарушает картину произошедшего.

– Полиция? – удивленно повторила Лаврова. – А кто ее вызвал? Вы?

– Нет, – ответила я, – полагаю, это должны сделать вы, владелица отеля.

– Только дураков в форме здесь не хватало! – всплеснула руками хозяйка. – Зачем они тут?

– Ваша сотрудница скончалась. Возможно, ее убили, – предположила я.

– Крови нет, – неожиданно вмешалась садовница, – ни капельки.

– Если человека отравили, то ее и не бывает, – возразила я.

Марина Ивановна нервно рассмеялась.

– Виола, дорогая, вы все не так поняли. Светлана жива, она просто... э... не очень приятно об этом говорить, но раз уж вы стали свидетельницей происшествия... э... она нахо-

дится под воздействием таблеток, поэтому вид у нее как у трупа. Да-да, именно так.

– Учительница наркоманка? – поразилась я.

– Конечно, нет! – замахала руками Лаврова. – У нее часто давление поднимается, голова болит. Светлана одну пилюлю съест, эффекта нет, тогда она пьет вторую, третью... пятую... десятую, и бац – обморок. Сто раз я ей говорила, что нельзя лекарство глотать, как конфеты.

– Ваша подчиненная выглядела мертвой, – не успокаивалась я.

– Наумова не моя сотрудница, – уточнила Марина, – она заведует учебной частью в интернате. Ей вообще на нашей территории делать нечего.

Я показала на скамейку.

– Вечером здесь сидели ребята из Дома здоровья, Юра и Лена. Последняя поссорилась с юношей и убежала, на ее место села Светлана Иосифовна. Они с Юрой немного поговорили, он угостил Наумову чипсами, которые купил для девочки, и ушел.

– Вот она какая! – разозлилась вдруг Лаврова. – Тыщу раз говорила: сотрудникам интерната запрещено ходить через наш парк на маршрутку. А они что делают? Не желают кругом идти, ломаются напрямую. Пойду к Анне Семеновне, директрисе, разнос ей устрою. Пригрожу: «Если не можете справиться с педсоставом, собирайте манатки, найму другую заведующую. Охотников на такой оклад много найдет-

ся». Сделали проходной двор из парка элитной гостиницы! Не волнуйтесь за Светлану Иосифовну, ее сейчас осмотрит врач. Жива она, просто в обмороке, обьяелась болеутоляющего. Вы уже начали писать роман? Сюжет выстроили? Расскажете потом? Вот, думаю, может, мне по мотивам вашего произведения фильм снять? Или даже сериал, а? Как вам эта идея?

Продолжая сыпать вопросами, госпожа Лаврова оттеснила меня ко входу в коттедж и проводила в мой номер.

Глава 4

Я вошла в свои временные владения и уставилась на письменный стол, на котором лежала стопка чистой бумаги. Обычно вид незаполненных листов вызывает у меня приступ бурного недовольства собой: опять за весь день ни строчки не написала!

Сколько раз я читала интервью разных моих коллег, которые на вопрос журналистов: «Когда же мы увидим вашу новинку? Уж пять лет прошло, как вышла ваша последняя книга», начинали объяснять: «Времени нет – семья, дети, сам болел долго, ездил по регионам, встречался с читателями». Так вот, я точно говорю: это все отговорки! Дело в обычной лени и в отсутствии материальных проблем. Когда у писателя закончатся деньги, он живо сядет за ноутбук и в короткий срок напишет свой новый шедевр.

Хорошо, если у сочинителя есть жена, которая каждое утро кричит:

– У меня нету шубы! Надо платить за школу, за детский сад, купить путевку на море...

Куда деваться писателю? Понукаемый супругой он вынужден трудиться.

И прекрасно, когда представитель сочиняющей братии, например, картежник, как Достоевский. Сколько бы гениальных книг навсегда осталось в чернильнице у Федора Ми-

хайловича, не проигрывай он за столом, покрытым сукном, свои гонорары!

Я опять обозрела кипу девственно чистых листов. У меня нет семьи, как и вредных привычек. Мне-то как принудить себя к работе?

Давайте будем откровенны: я скорее журналист, чем писатель. Да, у меня хороший слог, а вот фантазии нет совсем. Выдумать сюжет госпожа Арина Виолова неспособна, она может лишь лихо описывать реально произошедшие события. Все мои книги – это рассказ о реальных ситуациях, в которых побывала я сама, Виола Тараканова. В гостиницу я приехала, не имея в голове никаких идей о любовном романе, ведь обычно я работаю в жанре детектива. И сейчас жизнь мне подбрасывает очередной сюжет – под балконом автора криминальных романов умерла женщина.

Стоп, Вилка, остановила я себя, Светлана казалась мертвой, но ты же не наклонялась над ней, не щупала пульс. Тебя пригласили для написания любовного романа. Любовного! Марина Ивановна ждет произведения о страсти на берегу моря. Навряд ли Лавровой, желающей привлечь в свое заведение обеспеченных клиентов, понравится роман, который начнется фразой: «Утром я вышла на балкон и увидела в кустах обездвиженное тело, над которым склонился полицейский».

Горестно вздыхая, я села к столу. Ну и как начать любовный роман? Какой должна быть первая фраза? «Он подошел

ко мне, снимая рубашку». Нет, это похоже на визит к терапевту. «Он подошел ко мне, снимая брюки». Опять не то, тоже смахивает на посещение врача, только проктолога. «От страсти раздирая на груди рубашку, он подошел ко мне». Уже лучше, но не понятно, кто такая я. Может, мужик разорвал в клочья сорочку, испытывая страсть к бараньей ноге, которую увидел на столе.

И вообще, фраза «От страсти раздирая на груди рубашку» какая-то не гламурная. Может, лучше так: «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на распродаже...» Я замерла. Вилка, очнись! При чем тут распродажа? У тебя любовный роман! «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на Эйфелевой башне...»

Интересно, на этом сооружении есть магазины? Так, на эту тему размышлять не стоит, большинство моих читательниц никогда не бывало на родине круассанов. Правда, редактор Олеся Константиновна туда ездит... Ну и что? Бутики открываются-закрываются. Может, когда мужик покупал сорочку, лавка работала, а потом разорилась. Ее вообще только на один день открыли, чтобы герой моей книги купил шелковое безумие.

Начнем! «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже на Эйфелевой башне, распространяя аромат роскошных французских духов, он подошел ко мне, длинноногой стройной блондинке восемнадцати лет,

безо всяких признаков целлюлита, изнемогавшей от страсти на шкуре белого медведя, расстеленной у горящего камина, возле которого стояли бутылка шампанского, ваза с букетом из ста роз и лежала коробка шоколадных конфет».

Я перечитала написанное. Гламура теперь через край, но необходимо править текст. Из-за слов «шкура белого медведя» меня обвинят защитники животных: «Виолова призывает убивать бедных мишек!» Вроде эти животные занесены в Красную книгу? Бутылка шампанского не понравится обществу борьбы за трезвый образ жизни. Шоколадные конфеты тоже не к месту, на меня подадут в суд те, кому по состоянию здоровья нельзя употреблять сладкое, обвинят в рекламе продукта, который для них яд. И французский парфюм ты, дорогая, зря упомянула. Это некорректно, надо поддерживать отечественного производителя. Вилка, включи мозг!

Я зевнула. Ладно, попробуем еще раз. «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в Париже...» Эй, эй, помни про отечественного производителя. «От страсти раздирая на груди шелковую рубашку, купленную в бутике...» Нет! Мои читатели простые люди, им бы от аванса до полочки дотянуть, какие еще бутики.

Минут через пять я снова перечитала начало повести. «От страсти раздирая на груди рубашку, купленную в магазине «Все за пятьдесят рублей», и благоухая одеколоном «Петя и три медведя», он подошел ко мне, длинноногой блондинке семнадцати лет без признаков целлюлита, лежащей на пле-

де, который связала мне в подарок любимая бабушка, растеленном на кухне, где стояли бутылка лимонада «Мальвина» и тарелка с нарезкой докторской колбасы, произведенной на ферме в деревне Уборы». Что ж, неплохо, все правильно. Только название села надо убрать, а то меня обвинят в продакт-плейсменте, газеты напишут, что фермер заплатил Виоловой десять миллионов долларов за рекламу его предприятия.

За спиной раздался выстрел. Я подпрыгнула на стуле и живо юркнула под стол.

– Простите, пожалуйста, – заныл женский голос, – не хотела вас напугать.

Я осторожно высунулась из укрытия и увидела горничную Галину, державшую в руках стопку полотенец.

– Извините меня, – бубнила она, – я колотила в дверь, колотила, никто не открыл. Подумала, что вы купаться ушли, хотела вам свеженькие повесить. Ой, как неудобно получилось! Вы аж под стол залезли от страха.

– Не слышала стука, – прокричала я, выбираясь из-под стола. – И, кстати, я ничего не боюсь, просто уронила ручку и полезла ее достать. А кто стрелял?

– К нам с оружием нельзя, – сообщила Галина, – вам показалось. Может, это в телевизоре?

– Он выключен, – заметила я. – Был такой резкий короткий звук – бах!

– Не слышала, – удивилась тетка. – Возможно, с улицы

донеслось. Все-все, я ухожу, прошу у вас прощения за свое вторжение. Приду позднее.

– Положите полотенца куда надо, – сказала я.

– Правда? Можно? – обрадовалась Галина. – Спасибо вам невероятнейшее!

Горничная поспешила в санузел, а я опять села к столу.

Но не успела ничего написать, потому что вновь услышала резкий звук. На сей раз это был звон. Я встала и пошла в ванную, почувствовала резкий запах моих любимых духов, затем услышала тихий плач и лепет:

– Господи, что теперь будет? Боженька, спаси!

– Галина, вы в порядке? – спросила я, заглядывая в просторное помещение с громадной джакузи. – О! Мои духи!

Горничная упала на колени и ткнулась головой в пол.

– Не губите меня, случайно разбила флакон, не заметила его на умывальнике.

Я бросилась поднимать ее.

– Встаньте немедленно!

Но Галина вцепилась руками в ножку консоли, на которой лежали махровые полотенца.

– Нет, буду так стоять, пока прощения не вымолю. Христа ради, не жалуйтесь хозяйке! У меня дочка больная, мужа нет, родителей тоже, одна на своих плечах девочку-инвалида тяну. В Тамбовске работу не найти, мне несказанно повезло, что я к Марине Ивановне устроилась. Уволит она меня – подохнем обе с голоду, лекарства для Вари дорогие, она без

них не жилища.

Я присела около горничной на корточки.

– Что случилось? Почему вы в истерику впали?

Галина оторвала голову от пола, выпрямилась и шмыгнула носом.

– Неужто не понимаете?

– Нет, – честно ответила я.

– Духи ваши грохнула, – простонала прислуга.

– Соберите аккуратно осколки флакона, – попросила я. – Не хочу пораниться, когда встану босиком на плитку. И впредь будьте внимательней. Вот и все.

– Не сообщите Лавровой о моем проступке? – прошептала Галина.

– Зачем? – удивилась я. – Пузырек разбился, от кляузы он целым не станет. В некотором роде я сама виновата – не следовало оставлять флакон на рукомойнике, надо было убрать в шкафчик.

– Парфюм дорогой, – прошептала горничная.

– Наверное, – пожалала я плечами. – Точную цену не знаю, мне его Степан презентовал.

Галина схватилась за голову.

– Ой, ой, ой! Я раскокала подарок вашего мужа, нет мне прощения!

– Успокойтесь, – попросила я, – Дмитриев просто мой приятель. Происшествие пустяковое, давайте его забудем. Спасибо за полотенца, сделайте одолжение, займитесь свои-

ми делами. Мне тоже пора за работу.

Горничная принялась шмыгать носом.

– Я переживаю, мучаюсь из-за своей неловкости, голова прям заболела.

Я выпрямилась.

– Уважаемая Галина, вы разбили мои духи, я не злюсь, не собираюсь жаловаться, но утешать вас у меня времени нет.

Горничная оперлась о раковину, начала подниматься, но ее пальцы соскользнули с белого фаянса. Чтобы не потерять равновесие, она замахала руками, задела мою открытую косметичку, стоящую на полке. Та свалилась на пол, из нее вылетели стеклянный дозатор с тональным кремом, палетка теней, жидкие румяна в пузырьке, пудреница, губная помада, тушь...

Галина закрыла лицо ладонями и зарыдала.

Я уставилась на пол. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями».

– Мне конец! – зарыдала неловкая баба. – Лучше сразу из окна выброситься, тогда Варю в интернат возьмут, хоть покормят там раз в неделю. А если мать жива, ребенку нечего на помощь от государства рассчитывать, загнется от голода с безработной родительницей.

Я развернулась и пошла к выходу.

– Я прыгну из окна! – выкрикнула Галя.

– Перед тем, как лишиться себя жизни, уберите в ванной, – спокойно сказала я. – Аккуратно соберите осколки и вымой-

те пол, по которому размазана моя косметика...

– Вы на меня сердитесь, – заныла горничная. – Боже! Что сделать, чтобы заслужить ваше прощение? Что? Я повешусь!

– Вроде вы собирались сигать с балкона, – не выдержала я. – Уж определитесь со способом суицида.

– Вам все равно, что будет с моей больной дочкой, когда меня понесут на кладбище? – неожиданно спросила Галина.

Я посмотрела на нее.

– Я отойду на некоторое время, а когда вернусь, надеюсь увидеть ванную убранной.

– Всем плевать на несчастную Варю, – захныкала горничная. – А ведь ей можно помочь, да у нас, нищих, денег нет.

Я молча повернулась и ушла.

Глава 5

Во дворе я села на скамейку и тут же увидела женщину в белом халате, которая с озабоченным лицом направлялась по узкой тропинке к корпусу.

– Доброе утро, – поздоровалась она. – Как спали, Виола Ленинидовна?

– Спасибо, хорошо, – ответила я.

– Вот только пробуждение у вас было совсем не радостным, – сказала доктор.

Я посмотрела на бейджик на груди незнакомки.

– Что вы имеете в виду, Раиса Петровна?

Врач села около меня на скамеечку.

– Марина Ивановна попросила померить вам давление. Сказала: «Волнуюсь за нашу любимую писательницу, ведь это она нашла Светлану Иосифовну. Наверное, перенервничала!» Я к вам с аппаратом шла.

– У меня ничего не болит, – возразила я, – гипертонией не страдаю, наоборот, давление обычно пониженное.

– Это видно сразу, – мягко сказала Раиса, – у вас астенический тип сложения. Но, увы, самые тяжелые гипертоники получаются со временем из гипотоников. Не считите за труд подняться в номер. Вот увижу на тонометре нормальные цифры и уйду. Честное слово, не стану более к вам приставать.

– В номере сейчас горничная. Вернее, она в ванной, – пояснила я.

– Вы ушли в парк, потому что прислуга притащилась с пылесосом? Невиданное дело! – возмутилась Раиса Петровна. – Номер приводится в порядок только в отсутствие гостя. Безобразие! А-а-а, понимаю. Что разбила Галина?

– Неловкость горничной для вас не секрет? – удивилась я. Доктор усмехнулась.

– Все в курсе, включая Марину Ивановну. Кое-кто из постоянных клиентов перед приездом просит: «Замените Галю на Феню». Последняя подслеповата, пыли по углам не видит, зато молчит и уж точно ничего не разобьет.

– Сначала Галина лишила жизни мои духи, – призналась я.

– О, это ее любимое занятие, – засмеялась врач, – парфюм на почетном первом месте среди убитого горничной имущества.

– Потом я лишилась косметики. Галина начала плакать, рассказывать про дочь-инвалида, умолять меня молчать, иначе хозяйка ее выгонит, а...

– А несчастная Варечка очутится в приюте, – закончила фразу Раиса Петровна.

– Нет, умрет с голода, – уточнила я. – И лекарства для нее не на что купить будет. О приюте Галина заговорила, собираясь прыгать с балкона или повеситься. Она пока не выбрала способ ухода из жизни.

Врач рассмеялась.

– Нет слов!

– Почему Марина Ивановна закрывает глаза на неловкость горничной? – удивилась я. – Думала, бедолага впервые что-то расколошматила, так она перепугалась. Я пожалела Галю, пообещала ей никому не сообщать о казусе. Но когда оказалась уничтоженной косметика, мне не понравилось декларативное заявление о самоубийстве.

Раиса Петровна закинула ногу на ногу.

– У нашей хозяйки в молодости случилась трагедия. У нее была дочь Оксана, тяжелый инвалид – ДЦП плюс проблемы с сердцем. Ребенка лечили по всему миру, но...

Доктор замолчала.

– Понятно, – пробормотала я.

– Некоторые женщины, пережив потерю ребенка, озлобляются, – вздохнула собеседница, – а Марина, наоборот, ощущает чужое горе как свое и, будучи женой человека с очень большими деньгами, не стала с презрением относиться к простым людям. К нам прикатывают только богатые и знаменитые, остальным отдых здесь не по карману. Вижу, как некоторые клиенты разговаривают с обслуживанием. Да и мне дают понять: раз у врача нет миллиарда в банке, пусть курит бамбук в сторонке. Если ты работаешь, чтобы содержать семью, то ты пятый сорт, терпи унижения. Не хочу сказать, что все такие, но встречаются хамы. А Марина относится к сотрудникам по-матерински.

– Да? А утром она так посмотрела на садовницу, которая без спросу что-то сказала, что та мигом рот захлопнула, – пробормотала я.

– Лаврова добрая, но не добренькая, – уточнила врач, – почувствуйте разницу. Вот вам один пример. Марина не любит пьяниц, врунов и воров, а Татьяна, которую наняли наводить порядок на территории, оказалась запойной. Три дня не являлась на работу, солгала мне, что болела гриппом, но я-то сразу увидела симптомы похмелья. Лаврова сделала ей внушение, и было за что. Если сия мадам вновь потянется к бутылке, она потеряет место. С Галей другая история.

– Ее дочь больна ДЦП, – кивнула я, – Марина Ивановна ассоциирует горничную с собой.

– Вы правы, – согласилась Раиса Петровна. – И Галина не Татьяна. Горничная всегда вовремя приходит на службу, не прикасается к выпивке, не курит, не заводит любовников, она старательно лечит Варю, возит девочку в Москву в специальную клинику. Накопит денег и улетает на десять дней. Галя работает у нас второй год, я ее только в одном платье летом, а зимой в джинсах-пуловере вижу. Зато у Вари прекрасная импортная коляска, вещи роскошные. Девочке пятнадцать, многие клиенты у нас постоянно отдыхают, они ей шмотки от своих детей присылают. Варя у нас на особом положении. Местным ребятам запрещено даже на пушечный выстрел приближаться к отелю и интернату, а Варечке везде зеленый свет. Живут они с матерью на территории гостини-

цы. Все знают, как Галина средства на лечение добывает – она актриса замечательная. Зайдет в номер к человеку, который первый раз прибыл, разобьет у него что-то и плачет, просит не рассказывать хозяйке...

– Иначе без места останется, – подхватила я.

Моя собеседница усмехнулась.

– И выкладывает историю про Варю, дескать, девочка инвалид, денег в семье нет. Клиенты реагируют по-разному. Одни не обращают внимания на слова про деньги, но не жалуются хозяйке на женщину с убойной силой в руках. Другие испытывают к Галине искреннюю жалость, дают ей хорошие суммы, вещи для Вари, книги, лекарства. Третьи злятся, просят Марину, чтобы им сменили горничную и более никогда не разрешали Звонковой заглядывать в их номер. Галя понятливая, первых и третьих более не беспокоит, а вот со вторыми начинает дружить. Пишет им открытки на дни рождения, Новый год и разные религиозные праздники, посылает поделки своей девочки – та мастерит бусы из ракушек, плюшевые игрушки шьет. Я знаю, кое-кто из немецких гостей оплачивает лечение Вари за границей, девочка летала в Израиль, в Германию. Галина честная, можете в номере свои драгоценности расшвырять, никогда не возьмет. И одежду не тронет. Да что там шмотки! На кухне много еды к вечеру остается, сотрудники уносят домой не востребованные булочки, йогурты, сыр, масло. Все берут спокойно, а Звонкова всегда спросит: «Дорогие мои, здесь простокваша. Если ни-

кто не хочет, я ее возьму?»

– Так хрупкие вещицы постояльцев она нарочно уничтожает? – наконец поняла я.

Раиса Петровна пожала плечами.

– Ну, не знаю. Не хочу обвинять человека, не имея на то прямых доказательств, но у меня этой зимой зародилось подозрение, что все бьющееся гибнет неспроста. В январе у нас десять дней провела воспитательница детского сада Нина, очень симпатичная девушка. Она приехала вместе с пятилетней сестрой, которую после гибели родителей воспитывает одна. Путевку небогатой семье подарила певица Ксюша, ее дочка подопечная у этой Нины в детском саду. Галина убирала номер девушки, и у той все стеклянные флаконы остались целы. Понимаете?

– Ну да, – кивнула я, – Нина ведь навряд ли смогла бы помочь деньгами на Варино лечение.

– Думаю, разбитый флакон является для Галины поводом рассказать о болезни дочери, – улыбнулась Раиса Петровна. – Ох, простите, кто-то меня ищет...

Она вынула из сумки зазвонивший телефон.

– Да... О! Ужасно! Странно, однако. Она же знала о своей аллергии. Конечно, вы правы.

Врач положила сотовый в карман и заговорила, как бы размышляя вслух:

– Светлана Иосифовна скончалась ночью от анафилактического шока. У нее была аллергия на арахис, перед смер-

тью она съела что-то с этими орехами. Удивительно! Наумова всегда очень внимательно читала информацию на упаковке. Один раз мы с ней столкнулись в супермаркете в молочном отделе, смотрю, она не берет творожные сырки. Я спросила: «У них срок годности истек? Линзы не надела, не вижу». Светлана ответила: «Нет, они совсем свежие, но мне не подходят. На обертке указано: могут содержать следы арахиса. А мне достаточно запаха орехов, чтобы отек Квинке начался. Один раз я чуть не умерла от удушья, не хочу повторения этого опыта». Ужасно вот так вдруг умереть! Страшно делается. Патологоанатому много времени на установление смерти от аллергического шока не понадобилось, сразу видно что к чему. Где она могла съесть арахис? Хотя... Некоторые безответственные производители не указывают наличие орехов в изделиях. У нас недавно скандал случился. В Гуранове есть маленькое производство, там делают из сухофруктов всякие лакомства, чурчхелу производят. Фабрика крошечная, меньше десяти человек работает, продукция дальше нашего околотка не уходит, ее все отдыхающие активно берут. И вот в мае одной туристке плохо стало. Оказалось, у нее аллергия на арахис. Кстати, очень частый вид аллергической реакции. Женщину в больницу поместили, муж в недоумение впал: не употребляют они никогда эти орехи. Он стал думать, где жена отравилась, сначала на кафе наехал, где чета обедала. А в конце концов выяснилось, что заводик сухофруктов виноват. Там выпускают рулет из черно-

слива с грецкими орехами, растертыми с сахаром, на упаковке эти ингредиенты указаны. Но владелец оказался мошенником, он к дорогим грецким орехам подмешивал дешевый арахис. Мухлеж сходил ему с рук, пока не попалась эта покупательница с аллергией. Человеческая жадность отвратительна! Виола, дорогая, что вы молчите?

– Как-то не по себе стало от известия о смерти Светланы Иосифовны. Значит, я была права: она умерла, я видела в кустах уже труп. А Марина Ивановна уверяла, что Наумова впала в глубокий сон от обезболивающих таблеток. Наверное, просто не хотела, чтобы я испугалась, – сказала я. – Ой, что-то голова у меня закружилась.

– Вот теперь точно пошли давление мерить, – заявила Раиса, – вы испытали стресс.

Глава 6

Когда врач, убедившись в том, что моей жизни ничего не угрожает, ушла, я посидела некоторое время в номере. А потом опять спустилась в парк, подошла к скамейке и призадумалась.

Вчера около одиннадцати вечера Светлана Иосифовна была жива-здорова! Она беседовала с Юрой Завьяловым, от которого убежала Лена Фокина. До того, как юноша, не зная о смерти матери девочки, произнес фразу: «Случится беда, ну умрет кто-нибудь из близких, вот тогда и поймешь...», ребята ели чипсы. Если правильно помню, их купил Юра. Светлана Иосифовна попросила угостить ее этой отнюдь не полезной едой. Юрий отдал ей пакет. Как развивались события дальше, я не знаю, потому что ушла спать. Но давайте просто порассуждаем.

Итак, время позднее, местное кафе закрыто. Светлана Иосифовна шла из интерната к административному зданию, где, как она сказала Юре, оставила свой велосипед, потому что Лаврова запрещает персоналу отеля и педагогам Дома здоровья кататься по территории. Железного коня надо оставить на парковке и дальше топать на своих двоих, причем в обход парка, прилегающего к отелю.

Я посмотрела за скамейку, потом ее сфотографировала и отправила снимок Степану вместе с сообщением. Через пять

минут раздался звонок.

– Привет, это Федор Еремин, – сказал незнакомый голос. – Степа передал мне ваш снимок. Отвечаю на вопрос. Не видел, как лежала женщина, но если вы правильно описали положение тела, то по тому, как была вывернута левая рука, можно предположить, что пострадавшая до контакта с землей стояла.

– Ну да, – согласилась я, – чтобы упасть, надо до этого быть на ногах.

– Наверное, я покажусь вам занудой, – хмыкнул Еремин, – но уж поверьте: шлепнуться можно и из сидячего положения, и находясь на коленях, на корточках.

– Простите, – смутилась я, – о такой возможности я не подумала.

– В вашем случае женщина стояла лицом к кустам, держалась за спинку скамейки, потеряла сознание и рухнула с высоты собственного роста, – как ни в чем не бывало продолжал Федор. – Но это лишь предположение. Повторяю: я не видел, в каком положении находилось тело, опираюсь на ваше описание места происшествия. Люди же часто видят то, чего нет, и не видят того, что есть.

– Если у человека аллергия на арахис, а он полакомился орехами, как скоро наступит отек Квинке? – задала я следующий вопрос.

– Это зависит от множества факторов: состояния здоровья покойного, его возраста, веса, количества съеденного,

индивидуальной реакции организма, – перечислил Федор. – Некоторые реагируют бурно, у других вялотекущий процесс. Обычно тяжелые аллергики носят с собой шприц с лекарством, и многие, когда им становится плохо, успевают сделать себе инъекцию. Нет однозначного ответа на ваш вопрос.

– Понятно. Спасибо, – поблагодарила я.

– Хорошего вам дня, – пожелал Еремин.

Я опять уставилась на кусты. Значит, Светлана полакомилась чипсами и встала со скамейки. Вероятно, она собралась идти на парковку к велосипеду, но ей внезапно стало плохо, и бедняга упала. К чему все эти рассуждения? А к тому, что Наумова умерла, съев то, чем ее угостил Юрий, – арахис, похоже, был в чипсах.

Теперь следующий вопрос: где пустой пакет? Хорошо помню, как перегнулась через перила, чтобы посмотреть, кто болтает под балконом, и увидела сверху двух молодых людей, сидевших на скамейке, на столе перед ними лежал ярко-красный кулек, блестевший в свете фонаря. Потом я отправилась спать, Юра ушел в интернат, а Светлана Иосифовна сказала, что доест чипсы. И вскоре ей стало плохо. Так куда делась пустая упаковка? Урны рядом нет, возле тела ничего подобного не было, на столешнице утром тоже. Тело обнаружила Галина, она и закричала, разбудив меня. Сомнительно, что горничная сначала убрала пакет, а потом впала в истерику. Садовница и Лаврова пришли после меня, пьяница принесла секатор, по приказу хозяйки обрезала обломан-

ные ветки куста, на которые упала Светлана Иосифовна, и запихивала их в мешок. Может, кулек унесло ветром?

Я начала осматриваться. Лавочка и стол находятся в окружении растений. Понятия не имею, как называются эти невысокие, доходящие до пояса, кусты, стриженные в виде шаров. Их стволы и ветки покрыты мелкими колючками. Что там белеет посередине? Окурок! Юра баловался сигаретой, а когда его увидела учительница, он ничтоже сумняшеся швырнул «бычок» в куст, а тот застрял в шипах. Значит, сдуй ветер со стола пустой пакет, он бы точно был где-то здесь, рядом.

– Виола Ленинидовна! – окликнул меня женский голос.

Обернувшись, я увидела Галину.

– Убрала ваш номер лучше некуда, – зачастила горничная, – отдраила каждый сантиметр, отполировала, начистила.

– Спасибо, – поблагодарила я. – Скажите, перед тем как увидеть упавшую Светлану Иосифовну, вы убирали территорию?

– Конечно, нет, – удивилась Галя, – мое дело номера. Обязательно куплю вам новую косметику и духи.

– Хорошо, – кивнула я.

На лице матери больной девочки появилось выражение откровенного недоумения.

– Вы согласны, чтобы я приобрела вам вещи взамен разбитых?

– Если вам от этого будет спокойнее, то пожалуйста.

– Но у меня совсем нет денег, – всхлипнула Галя, – ни копеечки.

– Значит, не покупайте, – снова согласилась я.

– Вам все равно?

– Думаю, надо забыть о том, что случилось, – сказала я и пошла в сторону моря.

– Стойте! – крикнула Галина.

Я притормозила и обернулась.

– Слушаю.

– В Интернете пишут, что вы очень богатая и добрая, – зашептала горничная, – а моя Варечка не ходит, еле-еле стоит. Окажите милосердную помощь инвалиду, дайте нам на лекарства, сколько не жалко. Я вынуждена покупать препараты из Европы, они с каждым днем дорожают.

Во мне боролись жалость и нежелание давать противной Галине даже копейку. Моя жадность имеет разумные пределы, я готова поделиться деньгами с теми, кто болен или попал в тяжелое положение. Я не сразу стала успешной писательницей, в моей биографии были нищие годы, когда приходилось мыть полы в разных местах. Хорошо помню, какое отчаяние охватывало меня при виде совершенно пустого кошелька. Я согласна с утверждением, что счастье за золотые монеты не купишь, но деньги помогают решить многие проблемы. Давайте перестанем лукавить: жизнь богача, пусть и не особенно счастливого, гораздо комфортнее существова-

ния бедняка. Рыдать над изменой мужа приятнее в уютной гостиной, зная, что тебя ждет чай с пирожными, лить же слезы, узнав, что супруг сходил налево, на кухне коммуналки под сочувствующими взглядами восемнадцати соседок, когда ты не можешь себе позволить в утешенье даже пакет дешевых мармеладок, совсем уж горько. Жизненные неприятности легче переносятся с бриллиантовым колье на шее.

– Подождите здесь, пожалуйста, – попросила я Галину, сходила в свой номер, принесла деньги, вручила их горничной со словами: – Вообще-то я не жена олигарха и не владелица алмазных копеек, приехала сюда, чтобы заработать.

– Спасибо и на том, – поблагодарила мать больной девочки. – Вы хороший человек, поэтому я...

Горничная быстро оглянулась по сторонам и зашептала:

– Тсс, это секрет... Вы ко мне добры, и я вам кой-чего расскажу. Немедленно уезжайте из своего номера!

– Почему? – не поняла я. – Очень удобная комната.

Галина показала рукой на здание.

– Оно очень старое.

– Да? – удивилась я. – Думала, дом современный, просто стилизован под прошлые века.

Горничная прижала руки к груди.

– Нет. Раньше здесь было имение дворян Борисогубских. Попросите в администрации записать вас на экскурсию, которую проводит Володя, он расскажет все подробно. Коттедж, где вас поселили, назывался «Сонина обитель», там ко-

гда-то жила дочь Борисогубского. Девушка отказалась выйти замуж за мужчину, которого ей сватал отец. Надумала своевольничать, да не на того напала. Папаша строптивицу в доме запер и сказал: «Или идешь по венец с тем, на кого я тебе указал, или сиди тут до смерти».

Доченька тоже оказалась упрямой – аж восемьдесят лет взаперти провела, но волю папашы так и не исполнила. Тот решил ее отпустить лишь за год до смерти. Стропивице тогда исполнилось девяносто четыре года.

Я постаралась сохранить серьезный вид. Роскошная история! А главное, совершенно правдивая. Интересно, до какого возраста дотянул отец? Дочку он решил освободить от оков, когда той вот-вот предстояло отпраздновать столетний юбилей, значит, ему самому исполнилось годков на двадцать больше. И это минимум.

– Но Софья отказалась покидать опочивальню, не приняла милость родителя, – продолжала между тем вещать Звонкова, – так и умерла в своей комнате. И превратилась в привидение! В тридцатые годы прошлого века в имении разместили сумасшедший дом. Все больные, кто жил в бывшей спальне послушницы, умирали в страшных муках. Их душил призрак!

Я внимательно слушала Галину. Ну и ну! Вот это фантазия! Если горничная начнет писать книги, то мигом прославится.

Глава 7

– В основном здании, где сейчас администрация, ресторан, СПА и все прочее, располагалась клиника, там шизофреников электрошоком лечили, – тараторила рассказчица. – Ужасная методика, потом от нее отказались. А в маленьких коттеджах жили те, кто совсем ку-ку, кого никогда домой не отпускали. Домик, где вы расположились, имеет самую дурную славу. В вашем номере до сих пор орудует призрак дочери Борисогубского. Постоянные гости о нем знают и никогда в этот номер не заселяются, он предназначен исключительно для кошек.

Я решила, что ослышалась, и спросила:

– Номер предназначен для постояльцев с животными?

Горничная хихикнула.

– Если желаете, можете хоть с жирафом сюда притащить-ся, никто слова против не скажет.

– С жирафом будет сложно, – улыбнулась я, – придется крышу разбирать.

– Совсем не смешные сведения сообщаю, – обиделась Галя. – Во всех отелях есть две категории гостей: те, кто приезжает постоянно, и кошки, то есть клиенты на один раз. Все постоянные сначала появились как кошки...

Я попыталась избавиться от навязчивой болтуны.

– Спасибо, Галя, все понятно. Извините, мне пора, хочу

осмотреть территорию, чтобы начать работать над книгой.

Не тут-то было! Горничная схватила меня за рукав.

– Попросите вас переселить. Скажите Марине Ивановне: «У меня аллергия на пыль, а номер затянут шелковыми обоями, я чихаю и кашляю». И запишитесь к Володе на экскурсию. Прямо сегодня, он свободен. Отнеситесь к моим словам серьезно, не хочу, чтобы с вами плохое случилось. Но если все же решите остаться, могу принести вам особую воду, ее призраки боятся. Бутылка стоит всего десять тысяч...

Из кармана фартука прислуги донеслось кряхтение. Галина вытащила рацию и нажала на зеленую кнопку.

– Звонкова, где ты шляешься? – захрипел динамик. – Почему за бельем не приехала?

– Меня госпожа Виолова задержала, – быстро нашла оправдание горничная. – Она хочет узнать историю нашего отеля, я ей посоветовала к Володе обратиться. Вот писательница спрашивает, когда у него время найдется?

– Прямо сейчас есть, – прокашляла рация, – вызываю экскурсовода. Передай Виоловой, что Владимир будет ее ждать там, где она скажет.

Галина взглянула на меня.

– Куда Володе прибежать?

Я никак не планировала бродить по округе с экскурсоводом, слушая его бред: «Посмотрите направо, перед вами водопад «Слезы невесты», гляньте налево, там родник «Кошелек мужа», посмотрите вперед...» Но отказаться от прогул-

ки уже было неприлично.

– Хочу выпить в баре кофе, – сказала я, – минут через сорок буду готова для встречи с Владимиром.

– Слышали? – спросила Галина у рации.

– Да, – прохрипела та, – о'кей. А ты отправляйся за белем.

– Извините, – сказала горничная, – с вами очень интересно общаться, но, к сожалению, мне необходимо работать.

Я постаралась скрыть свою радость.

– Конечно, служба превыше всего.

– Показать вам дорогу? – предложила горничная.

– Спасибо, я ее знаю, – отказалась я и быстро пошла по тропинке, надеясь, что приставаучая Галя, решившая содрать с глупой гостьи десять тысяч за воду от привидения, не пойдет следом.

Увидев меня, бармен заулыбался.

– Доброе утро, госпожа Виолова. Кофейку?

– Да вы просто экстрасенс! Угадали. Можете сделать капучино? – попросила я. – Или лучше латте... У вас есть меню?

Бармен положил на стойку кожаную папочку, я полистала карту.

– Вот это да! Ни в одном московском ресторане нет такого количества напитков.

– Стараемся, – сказал Роман и взял джезву. – Давайте сварю вам восточный, на морском песке, с кардамоном и ко-

рицей. Рецепт моего деда. В столице такой не попробуете, с песком в Москве не любят возиться. У вас в основном кофемашины стоят, в них не так вкусно получается.

– Вон те красные пакеты на полке, в них что? – спросила я, сразу узнав кулек, который вчера с балкона видела на столике у скамейки, где сидели Юра и Лена.

– Картофельные чипсы, – пояснил бармен, подавая мне одну упаковку. – Угощайтесь за счет заведения.

Я прочла текст на обратной стороне.

– Состав: стопроцентный эко-картофель, выращенный в естественных условиях, и морская соль. Без ГМО, красителей, улучшителей вкуса.

– Попробуйте, – продолжал Роман, – чипсы производит человек, которого я хорошо знаю. Как указано на пакете, все так и есть. У него свой картофель, причем заводик стоит прямо на полях. Он местный фермер, очень аккуратный и ответственный.

– Спасибо, но я боюсь, – ответила я.

– Чего? – удивился бармен, наливая кофе в чашку.

– У меня острая аллергия на арахис, – соврала я.

– Не особо приятно, – поморщился собеседник. – Правильно делаете, что внимательно список ингредиентов изучаете. Но тут только картошка и соль. Сергей не обманщик.

– А масло? – прищурилась я. – Уже нарывалась. Орехи изготовитель не упомянул, а у меня отек Квинке однажды был, потому что еду на арахисовом масле приготовили.

Роман пододвинул ко мне сахар.

– Это вам просто «повезло», ведь в России это масло редко используют. В Америке оно мегапопулярно, а у нас не прижилось. Вы не заметили, что на пакете слева написано?

Бармен указал пальцем.

– Вот тут, смотрите, значит: изготовлено по особой технологии, без применения растительных и животных жиров.

– Ясно, – протянула я и вытащила из кулька один желтый кругляш. – Ой, как вкусно! Прямо как в детстве. Хорошо, что в чипсах арахиса нет. Наверное, у вас их часто берут.

– Влет уходят, – согласился бармен. – На эту тему у нас с Раисой Петровной, врачом, война идет. Глебова требует, чтобы я ими не торговал.

Я отложила пакет.

– Разве она имеет право формировать ваш ассортимент?

Роман оперся о стойку.

– О! Вопрос не в бровь, а в глаз. Раиса Петровна постоянно жалуется Марине Ивановне: «В бар ходят воспитанники из Дома здоровья, а там их травят вредной едой – предлагают пирожные, шоколадные батончики, сладкую газировку и ужасные чипсы. Примите меры». Лаврова ей всегда отвечает: «Все перечисленное вами разрешено к продаже, а Роман арендатор, он мне не подчиняется».

Бармен засмеялся.

– Приходится доктору уходить ни с чем. Она на недельку затихает, а потом снова в бой.

Я отпила кофе.

– Не любит вас врач.

Роман развел руками.

– Вероятно. Ничего дурного я ей не делал, всегда вежлив с ней. Кстати, при интернате открыто кафе «Помидорчик», которое принадлежит сыну Глебовой. Там подают исключительно здоровую еду: овощи, фрукты, кашу, бобовые, вместо кофе цикорий, выпечку из спельты.

– Что-то мне подсказывает: сие заведение не пользуется успехом у детей, – усмехнулась я.

– Вы правы, – кивнул бармен. – Подростки не задумываются, что полезнее: зеленая гречка или гамбургер, они просто предпочтут булку с котлетой.

– Зеленая гречка... – поморщилась я. – Ни разу не пробовала, но, думаю, кашка несъедобна. Ваш кофе потрясающ! Можно еще чашечку?

– С удовольствием, – обрадовался Роман. – Хотите классический рецепт? Без специй?

Дверь кафе открылась, вошли два паренька и девочка.

– Рома, нам пончики и латте, – сказала школьница.

– Сей момент, Аглая, – пообещал бармен, – только даме кофе подам.

– Мы никуда не торопимся, – откликнулся один парень, – каникулы у нас.

– Орешки пока погрызем, – добавила Аглая.

Девочка подошла к стойке, взяла трехэтажную вазу с цу-

катами, соленым печеньем, другими коктейльными угощениями и отнесла ее на стол, за которым устроились ее спутники.

– Глайка, ну ты молодец, – произнес с укором стройный паренек в голубой майке. – Утянула прямо из-под носа у человека все вкусняшки! Хоть бы разрешения спросила.

Девочка ойкнула, быстро вернула вазу на место и смущенно сказала:

– Простите, пожалуйста.

Я улыбнулась.

– Забирайте, не хочу орехов.

Аглая вернулась к приятелям.

Дверь опять открылась, внутрь вбежала Раиса Петровна.

– Вот вы где! – сердито сказала она. – В шалмане!

Ребята переглянулись и в один голос сказали:

– Здравствуйте.

– Добрый день, – произнес Роман, а я улыбнулась.

Но приветливость окружающих не сбила воинственный настрой врача.

– Сколько раз вам говорить: нельзя есть дерьмо! Орешки, крекеры – это мусор, забивающий желудок. Еще чипсы возьмите... Уходите отсюда, ступайте в кафе при Доме здоровья, вот там правильная еда!

Аглая сложила руки на груди.

– Раиса Петровна, мы вам не подчиняемся. Вы терапевт, в чьи обязанности входит лечить воспитанников. Раздавать

нам указания в ультимативной форме имеют право исключительно родители.

– И со словом «дерьмо» будьте поосторожнее, – посоветовал полный паренек в красной кепке. – Ведь если Роман захочет, то подаст на вас в суд за компрометацию его бизнеса, за клевету на него. По этой статье назначают большой штраф.

Раисе Петровне следовало остановиться, но ее понесло:

– Дерьмо оно и есть дерьмо!

Теперь к разговору подключился юноша в голубой майке:

– На месте Романа я бы пригласил в кафе сотрудников лаборатории анализа еды в заведениях общепита. Дерьмо – это фекалии животного происхождения, и если будет установлено, что продукты выделительной системы человека или зверей в меню не представлены, вам придется понести серьезные финансовые потери за дискредитацию чужого бизнеса.

– Это дерьмо! – взвизгнула Глебова.

– У нас на столе орехи, сухофрукты, крекеры, в их составе фекалий нет, – тоном лектора, растолковывающего семилетнему ребенку теорию относительности, уточнил толстяк. – Со словами надо обращаться бережно.

– Вы заказали гамбургеры! – пошла вразнос Глебова.

– А вы видите их на столе? Я лично нет, – прищурился все тот же, похожий на Винни-Пуха паренек. – Вы не можете доказать, что мы собрались есть котлеты с булками. Но даже если бы было так, вас это не касается.

Раиса Петровна ткнула пальцем в говорившего.

– Васин! Сейчас же позвоню твоей матери и доложу о недостойном поведении ее сына. Я врач, меня обязаны слушать!

– Охо-хо, – протянула Аглая, – если сможете с мамой Алеши соединиться, это будет бомба. Хотя Марина Ивановна навряд ли обрадуется, узнав, что вам это удалось. Ведь ее постояльцы не любят шума. Правда, Юра?

– Да, – подхватил юноша в голубой майке. – Сюда тогда гарантированно вся пресса прикатит, причем не только российская.

– Хватит меня пугать! – топнула ногой врач. – Алексей, твоя мать прямо сейчас все от меня узнает. Немедленно позвоню ей!

– Моя мать умерла, – остановил ее подросток, – и если она вам из загробного царства ответит, вы прославитесь на всю планету, поскольку станете первым человеком, которому ответили по телефону из потустороннего мира.

Думаете, Раиса смутилась?

– Юрий, раз с матерью Алексея нельзя побеседовать, я доложу твоему отцу, что его сын в баре дерьмом наедается, – заявила она.

Ребята переглянулись, Юра рассмеялся.

– Сделайте одолжение, попытайтесь. Но если Илюша на сцене поет, то его трубка у директора, а тот все звонки с незнакомого номера блокирует. А когда Илюша отработает,

он сразу напьется, обкурится, с бабами затусит и задрыхнет. К тому же мой отец понятия не имеет, что это за зверь такой – здоровая еда.

Дверь кафе открылась, я увидела худенькую девочку в инвалидной коляске. Она сделала попытку переехать через высокий порог, но забуксовала.

– А ты зачем сюда явилась? – возмутилась Раиса Петровна.

– К ребятам, – испуганно ответила инвалид. – А что, нельзя?

Юра и толстяк вскочили и в один миг вкатили кресло на колесах в кафе.

– Варюша, хочешь кофе? – спросила Аглая.

Девочка молча кивнула.

– Лучше сразу налейте ей яду, – совсем слетела с катушек врачиха, – тогда Звонкова быстрее умрет и перестанет в каталке мучиться.

Роман уронил ложку, я разинула рот, ребята уставились на Раису, та развернулась и убежала.

Глава 8

– Ну, Райка сегодня зажгла, – протянула удивленная Аглая. – Чего это с ней?

– Она всегда злая, – тихо сказала Варя, – я ей не нравлюсь.

– Наплюй, – пожал плечами Юра. – Докторша на всю голову стукнутая, не обращай на нее внимания.

– Я так и делаю, – кивнула Варя.

Я смотрела на дочь Галины и испытывала муки совести. Горничная неприятная и очень хитрая особа, она нагло выпрашивает деньги у отдыхающих, порой буквально прет на человека танком, хоть копейку, да вытянет. Но можно ли ее за это осуждать? Я увидела ее дочку и могу сказать, что Варя выглядит очень плохо: худенькая, бледная, с огромными синяками под глазами, с белыми губами, шейка у нее такая тоненькая, что кажется, будто сейчас обломится, руки как веточки. И с волосами у девочки беда, они словно топором обрублены. Почему мать не отведет ее в салон?

Задавшись последним вопросом, я мигом разозлилась на себя. Вилка, Галина тратит все полученные средства на лечение девочки от ДЦП, о ее красоте мать не думает, для нее главное – поставить инвалида в прямом смысле этого слова на ноги. Одета Варя чисто, аккуратно, но понятно, что вещи ей достались с чужого плеча. Ясно же, что дочка горничной не может позволить себе кроссовки от Шанель и футболку

от Хлое, Варя достаются шмотки ребят из интерната или детей добросердечных постоялиц отеля. А вот в дорогой салон красоты ее не водят, дочь стрижет мама, поэтому волосы ее кое-как отрезаны ножницами.

– Начнем? – спросила Аглая.

– Ага, – кивнула Варя.

Юра наклонился.

– погоди, – остановила его Звонкова, – давайте покажу, чему я научилась.

– Может, не стоит повторять опасный номер? – предостерег толстяк. – В прошлый раз ты упала.

– Я отточила мастерство, – весело заявила Варя, потом поднялась на локтях и пошатнулась.

– Эй, эй! – испугался Роман. – Лучше сядь!

– Сидючи не вылезти из коляски, – пропыхтела Варя, – ты лучше стул пододвинь спинкой ко мне.

Юра протянул девочке руку.

– Опирайся.

– Нет, – возразила Варя, – если постоянно за других цепляться, никогда самостоятельной не станешь.

Все, затаив дыхание, наблюдали за девочкой. Наконец та смогла подняться и закричала:

– Смотрите, вот что я умею!

– Вау!

– Суперски! – похвалили ее ребята.

Роман заплодировал, я присоединилась к нему.

Варя обвалилась в кресло.

– Фу... Пока долго стоять не получается, но врач сказал, что если каждый день я буду упорно тренироваться, да еще обзаведусь костюмом, то за пару лет научусь ходить нормально.

– Свинство, что твой шаговодитель три миллиона стоит, – сказала Аглая.

– Ниче, заработаю, – ответила Варя. – Юра, достань.

Паренек наклонился, вытащил из-под коляски мешок и высыпал на стол гору цветных тряпок, пуговиц, тесьмы, деревянных шариков.

– Кого сегодня варганим? – спросила Аглая.

– Хотела Пинки, – сказала Варя. – Только что мультик вышел, дети точно поделки разберут.

– Отлично, – сказал Юра.

Компания принялась за работу, спустя короткое время я поняла, что они делают игрушки. Аглая мастерила парик, толстяк ловко вязал крючком красные кофточки, Варя каким-то тонким, смахивающим на большую иглу инструментом оформляла лицо, у деревянной головы появлялись скулы, нос, рот, глаза. Потом девочка брала краски, и поделка оживала.

– Вы очень талантливы! – не выдержала я. – Куклы как живые получаются.

– Уже две штуки продали, – сообщил Юра, сидевший у ноутбука. – А вчера пятнадцать ушло.

– Вчера были белки, зверушки лучше идут, – уточнил толстяк. – Сейчас мы за Пинки взялись, потому что мультик показали. Дети его поглядели и Пинки захотели.

– Торгуете поделками? – уточнила я.

Юра показал на экран.

– Вот, читайте.

Подойдя к нему, я увидела фото Вари и снимок какой-то странной конструкции, похожей на брюки, только штанины были сделаны из ремешков, от которых тянулись провода.

– Что это?

– Там написано, ниже смотрите, – велел Юра.

Я углубилась в текст.

«Уникальное изобретение российских ученых. Аналога в мире нет. Предназначено для реабилитации спинальников и больных ДЦП. С помощью шаговодителя человек учится ходить. Сначала он может передвигаться только с помощью аппарата, к которому прилагается беговая дорожка, но со временем ноги крепнут, и больной полностью реабилитируется. К сожалению, это замечательное изобретение не производит ни один завод. Его делает под заказ сам изобретатель, Сергей Филимонов. Костюм стоит три миллиона рублей. Варвара Звонкова, пятнадцати лет, имеет все шансы встать на ноги. Но ее воспитывает одинокая мама, которая работает горничной в отеле. Варвара сама зарабатывает себе на шаговодителя – делает куклы, которые вы можете купить на нашем сайте. Игрушку вам доставит курьер. Цены у изделия нет, вы

платите сколько можете. Варя рада каждой копейке».

– Давно хотела приобрести авторскую игрушку, – пробормотала я. – Сколько люди за них дают?

Толстяк пожал плечами.

– По-разному. Две, пять, десять, тридцать тысяч. В прошлую среду пес Лорик за двести ушел, его купил коллекционер из Питера.

– Если я предложу двадцать, дадите мне одну Пинки? – спросила я.

Варя отложила кисточку и посмотрела мне в глаза.

– Конечно. Только они будут готовы часа через два. Какое платье на вашу надеть? Есть розовые, белые и зеленые. Ой! Вы Арина Виолова? Я ваши книги очень люблю. Можно с вами фотку сделать?

– Конечно, – кивнула я, присела около коляски и обняла девочку за плечи.

– Чииз... – крикнула Аглая. – Супер! Оставить Пинки у Романа? Или в ваш номер принести?

– Денег у меня при себе нет, они в отеле, – уточнила я. – Дайте мне чей-нибудь телефон, договоримся о встрече.

– Пишите мой, – сказал Юра.

– Кто тут на экскурсию по территории? – спросил от дверей веселый голос.

– Привет, Володя, – помахал вошедшему рукой бармен.

Я оглянулась. В кафе появился стройный мужчина, он сразу улыбнулся мне:

– Вы писательница, да?

– Точно, дядя Володя, – обрадовалась Варя, – у меня теперь селфи есть.

– Повезло тебе, Варечка, – сказал экскурсовод. – Ну, пошли?

Я поднялась.

– Виола Ленинидовна, – окликнул меня Юра, – можно вашу фотографию с Варей на сайт поместить? У вас ведь много читателей, и если я напишу, что всеми любимая автор детективов купила Пинки, у нас продажи вырастут.

– Конечно, – разрешила я. – Только напишите другой текст, «всеми любимая» как-то не скромно.

– Не обманешь, не продашь, – хмыкнула Аглая.

– Ну ты и выступила опять! – хихикнул толстячок. – Подумай, как фраза прозвучала.

– Так моя мама говорит, – пожала плечами девочка.

Потом толстяк повернулся ко мне.

– Не обижайтесь на Аглаю, она вообще не въехала, чего сказала. Получилось: Юра врал, когда вас «всеми любимой» окрестил.

– Не усложняй, – усмехнулась я.

Глава 9

– Знаете, кто у Раскиной мать? – спросил Владимир, когда мы двинулись по узкой тропинке.

– Нет, – ответила я, – совсем не знакома с девочкой.

– Владелица торгового центра «Семь слонов», – пояснил мой спутник.

– Не обманешь, не продашь... – протянула я. – Хм, родителям надо аккуратнее высказываться в присутствии детей.

– Аглая давно с мамашей не виделась – та вышла замуж, и супруг не хочет иметь перед глазами грех юности жены, – пояснил экскурсовод. – Девочка здесь четвертый год безвыездно, на моей памяти мать сюда ни разу не приезжала.

– БННД, – пробормотала я, – богатые, никому не нужные дети. Что с ними будет, когда они получают аттестаты?

Владимир потер шею.

– Обычно их отправляют в колледж за границу. В Англию, в Америку, в Германию. Большинство ребят хорошо учится. Анна Семеновна, директор интерната, собрала отличный преподавательский состав. Конечно, есть такие, как Алеша Васин, тот пончик, который сейчас в баре сидел. У него сплошные тройки. По идее, Алексею нужно неуды ставить, но мы ему отметки натягиваем – он хороший паренек, добрый, сострадательный. В интернате далеко не все такие. Например, Фокина терпеть не может Варю. Лена пытается

скрыть свое отношение к больной девочке, но я-то вижу, как у нее лицо при виде Звонковой перекашивается.

– Странно, – удивилась я.

Владимир остановился у входа в дом.

– Да нет. Варя дружит с Юрой, тот звезда нашего театра, отличник, считается самым интересным парнем в коллективе, а Елена и так, и эдак пытается его внимание к своей особе привлечь. Но у нее ничего не получается. Завьялову нравится Варя, он ее уважает за силу воли, оптимизм, несгибаемость в достижении цели. Звонкова неординарный подросток – с детства в инвалидной коляске, но ни малейших психологических проблем, которые обычно бывают у детей-инвалидов, у нее не наблюдается. Фокина же спит и видит себя главной в школе, однако никто ее таковой не считает. В общем, Лена банально ревнует. Многие наши воспитанники любят Варю. Она умная, много читает, рассуждает по-взрослому. Девочке пятнадцать по паспорту, но мне порой кажется, что ей все тридцать. Варя не пыталась стать лидером в коллективе, а стала им.

– Я думала, вы экскурсовод, но услышала от вас: «Юра звезда нашего театра», «наши воспитанники». Вы имеете отношение к интернату?

– Ох, простите, не представился, – спохватился мой спутник. – Владимир Неумывайкин, веду в Доме здоровья математику. У меня хобби – в летние каникулы пишу книги о загадочных местах планеты. В Якутии есть озеро Лабын-

кыр, где обитает животное наподобие Лохнесского чудовища. Шато Миранда в Бельгии – брошенный замок, там творятся странные дела. Отель в Колумбии в городе Сан-Антонио-дель-Текендама закрыли после того, как в нем совершил самоубийство пятидесятый постоялец... Я везде побывал, провел исследования, посетил еще несколько таких уголков и выпустил о них книги, которые успешно продаются. Однажды я подумал: катаюсь по всему свету, а у меня под носом бывшее имение Борисогубских...

Владимир остановился и показал на коттедж, где располагался мой номер.

– Этот маленький дом местное население зовет Сонина обитель. Имение окончательно оформилось в тысяча восемьсот двадцатом году, до этого оно состояло из здания, в котором жил барин, и мазанок для холопов. Иван Сергеевич Борисогубский построил дом в тысяча семьсот семидесятом, сразу после женитьбы. И до своей смерти, которая случилась в тысяча восемьсот восемнадцатом, ни разу не делал ремонт. Не успел он упокоиться в семейном склепе, как его сын Анатоль рьяно взялся за переделку обретенного имения. Он до основания разрушил постройку отца и возвел собственный дом, который цел до сих пор, в нем расположены администрация отеля, ресторан, СПА. Увы, не сохранились деревянные резные панели на стенах, роспись на потолке, мраморная лестница, от прежней красоты внутренней отделки остались только колонны в главном холле. Но давайте по по-

рядку. Анатолий обзавелся особняком, четырем одноэтажными домиками для слуг, разбил парк, сделал спуск к морю, пляж, оранжерею, сад и стал жить со вкусом. Затем женился, в тысяча восемьсот двадцать третьем у него родилась дочь Софья.

– Та самая, которая отказалась выйти замуж за найденного отцом жениха и была навсегда заточена в доме, перед которым мы стоим? – спросила я.

Владимир рассмеялся.

– Ага, вам уже рассказали... Народное творчество поражает полетом фантазии. Да, молодая женщина безвылазно находилась тут. Но ее никто не наказывал за непослушание. Дело в том, что с раннего возраста Софья демонстрировала буйный нрав. Отец нанимал для нее няnek, гувернанток, однако никто не смог усмирить дикий характер девочки. Лет до двенадцати ее просто считали неумной проказницей, а когда Соне стукнуло тринадцать, стало понятно: она нездорова. Душевная болезнь проявилась неожиданно и эпатажно. В свой день рождения, когда в имение прикатило множество гостей, девочка вышла в зал в роскошном бальном платье. Все стали восхищаться, а Соня живо скинула одежду, осталась в одном белье и громко объявила: «Не надо хвалить наряд, я не имею к нему никакого отношения, он творение рук портнихи. Восхищайтесь мной, я прекрасна». Присутствующие были шокированы. В те годы женское белье не отличалось изяществом, не было чем-то особенным, как сей-

час, то есть Сонечка оказалась не в стрингах и топлесс, на ней красовались корсет и панталоны за колено. К тому же была первая треть девятнадцатого века, тогда многие дамы даже перед мужем стеснялись появиться в подобном виде. Праздник оказался испорчен, Софью силой увели. Наутро приехал врач и определил у девочки психическое расстройство. Больницы для таких недужных в то время были ужасны, несчастных лечили ледяными ваннами, голодом. Анатолю дочь медикам не отдал, а построил вот этот коттедж. На первом этаже жили монашки, сестры милосердия, ухаживавшие за девушкой, на третьем две ее компаньонки, которым вменяли в обязанность развлекать беднягу. Софья стала жить в маленьком доме, когда ей исполнилось четырнадцать лет. Замуж она, как вы догадываетесь, не выходила, но циркулировали слухи, что девушка родила ребенка. Анатолий и его жена обожали дочь, они вместе гуляли по имению, читали книги, играли в карты. Обострение болезни случалось пару раз в год, в остальное время Софья вела себя нормально, ездила в гости.

– Коттедж не был тюрьмой? – уточнила я.

– Конечно, нет, – улыбнулся Владимир, – Соня жила счастливо, запирали ее лишь при помутнении рассудка. В двадцать пять лет, в те моменты, когда ум покидал молодую женщину, больная стала не просто раздеваться, а еще и приставать к мужчинам. Одна из компаньенок Софьи вела дневники, они сохранились, я их читал. Там написано, что док-

тор посоветовал Анатолю выдать дочь замуж, поскольку отсутствие физической близости провоцировало приступы ее безумия. Но отец поступил иначе – нанял на работу красивого молодого конюха Петра. Думаю, дальнейшие объяснения не нужны. Вероятно, слухи о рождении ребенка правда, однако это только слухи, ни в каких книгах нет записей о появлении на свет внука или внучки Борисогубских. После смерти Анатоля и его супруги имение досталось дочери, но всеми делами в нем ведал конюх. Местное дворянское общество принимало в своих гостиных Софью, а вот ее любовнику вход туда был заказан. Сумасшедшая дожила до глубокой старости, до тысяча девятьсот восемнадцатого года, и умерла в возрасте девяноста пяти лет. Куда делся конюх, не известно, возможно, он скончался раньше. После революции в имении открыли госпиталь для инвалидов Первой мировой войны, а в двадцать пятом году – психиатрическую лечебницу. Сумасшедший дом просуществовал до тысяча девятьсот семьдесят восьмого года. Ликвидировав его, погубили два близлежащих городка, Тамбовск и Гураново, жители которых обслуживали больницу – работали медсестрами, нянечками, санитарями, шоферами, плотниками и так далее. У лечебницы была своя молочная ферма, пекарня, огороды, сад, и все это быстро захирело. Правда, народ отсюда не утек, потому что...

– Бежать было некуда, – перебила я. – В перестройку везде плохо жилось.

– Не угадали, – возразил Владимир. – После закрытия больницы местные живо понастроили сарайчиков, стали сдавать их приезжим в летний сезон и, в принципе, неплохо устроились. В советские-то времена линия побережья, где находятся Тамбовск и Гураново, была закрыта для посторонних, это ведь не курортные города, где население издавна кормилось за счет отпускников, – здесь работала какая-то военная лаборатория и находилась психушка до кучи. Только когда военные и врачи уехали, местные стали принимать отдыхающих. После закрытия клиники бывшее имение Борисогубских ветшало и тихо разваливалось до тех пор, пока Марина Ивановна не решила открыть отель для богатых и знаменитых плюс Дом здоровья для их детей. Местный люд обрадовался – у многих появилась работа. Правда, кое-кто недоволен, потому что Лаврова запрещает посторонним ходить по территории отеля. Даже учителям и воспитателям интерната нельзя ездить на велосипеде коротким путем на работу и домой. Никто не имеет права ехать через парк гостиницы, всем приходится огибать забор, а это лишний километр. Но для меня сделали исключение – я же пишу книгу об имении Борисогубских.

Владимир засмеялся.

– Не знаю, что будет, когда я завершу работу, скорей всего, стану, как все, круг нарезать. Ну, что, интересно у нас?

– Не обижайтесь, но история обычная, – улыбнулась я, – версия горничной Галины захватывает сильнее. Но после то-

го как Звонкова предложила купить у нее за десять тысяч воду, которая изгонит из номера фантом несчастной девушки, мне стало неприятно.

Экскурсовод поднял бровь.

– Люди, работавшие в лечебнице, давно перешептывались, что в номерах на втором этаже малого дома обитает привидение. Сейчас там опять одна большая спальня, а во времена существования сумасшедшего дома было несколько палат. Кто-то из медсестер видел тень у кроватей пациентов, в процедурной пропадали лекарства, на кухне продукты.

Я рассмеялась.

– Ну да, масло, мясо и прочую предназначенную для больных снедь совершенно точно уволакивал фантом, невозможно же заподозрить в воровстве повариху.

Владимир сложил руки на груди.

– Понимаю ваш скептицизм.

– Всем же известно, что обитатели мира духов очень любят хорошо подкрепиться, – веселилась я.

– В один далеко не прекрасный день из спальни на втором этаже около десяти вечера раздался дикий крик, – не обращая внимания на мои слова, продолжал Владимир. – А внизу, на первом, тогда жил Леонид Ромкин, наш постоянный гость, который приезжает в конце мая и улетает в Москву в начале сентября. Он владелец нескольких офисных зданий в Москве, интеллигентный человек, его всегда сопровождает супруга, милейшая дама. Так вот, услышав вопль, Ром-

кин моментально вызвал охрану. Секьюрити явились сразу же и обнаружили обитательницу номера Карелию Миронову Фирсову, владелицу фирмы «Медрано», в предсмертном состоянии. Прежде чем потерять сознание, Фирсова успела сказать охранникам, что всем надо немедленно спасаться, потому что настал конец света. Мол, об этом объявила ведущая новостей на федеральном канале, которой верит вся страна. Сообщение сопровождал видеоряд, Фирсова видела разрушенные города, четырех огромных всадников, которые неслись, сея смерть, с неба били молнии, одна попала к Кремль и разрушила его, в Нью-Йорке упали все небоскребы, Великобритания ушла под воду...

– Реактивный психоз? – предположила я. – Такое случается у людей, которые испытали сильный стресс. Хорошая новость: это заболевание прекрасно лечится.

– Тут получилось иначе, она скончалась до приезда «Скорой», – закончил Владимир. – Фирсовой было немало лет, но дама не выглядела старухой – активная, даже бойкая, не имевшая хронических заболеваний, и вот – упс...

– Жаль женщину, но такое случается, – вздохнула я.

– Причиной смерти был назван инфаркт, – пояснил экскурсовод. – И с чего бы ему случиться, если Карелия Мироновна никогда не жаловалась на сердце? Через год после этого происшествия на скамеечке у входа в коттедж умер Борис Валерьевич Бунтов, скопивший немалое состояние на торговле медтехникой. Он пытался бросить курить, несколько

постояльцев, возвращаясь из поездки в Гураново, видели его сидящим на лавке с электронной сигаретой. А потом кто-то обнаружил тело – анафилактический шок.

Глава 10

Я насторожилась.

– Что?

– Грубо говоря, аллергия, – пояснил мой собеседник. И добавил: – На лаванду.

– И где он ее взял? – удивилась я.

– Многие служащие отеля и учителя интерната уверены, что лаванду Бунтову подсунул призрак Софьи, – протянул экскурсовод. – Поскольку это был второй случай внезапной кончины постояльца, Марина Ивановна в припадке суеверия велела запереть пресловутый номер, некогда служивший спальней бедной сумасшедшей.

– Борис Валерьевич скончался в саду, – напомнила я.

– На скамейке, – уточнил Неумывайкин, показывая на лавку, где вчера вечером болтали Юра и Лена. – Но жил-то он во втором номере. До вашего приезда комната пустовала. Вас собирались устроить в бунгало «Ночной алмаз», да случилась накладка – господа Минкины, занимающие его, не уехали, как собирались, а продлили свое пребывание. Они постоянные верные клиенты, живут по два-три месяца в году. Понимаете?

Я сделала шаг по направлению к двери коттеджа и сказала:

– Перед хозяйкой встала дилемма: конфликтовать с постоянными клиентами или поселить кошку в номере с дур-

ной славой.

По щекам Владимира поползли красные пятна.

– Кто назвал вас кошкой? Этого человека немедленно уволят.

Я предпочла не услышать вопрос.

– Спасибо вам за интересный рассказ.

Экскурсовод попытался продолжить беседу.

– Я еще не закончил.

– Извините, пожалуйста, – сказала я, мне надоело слушать местные сказки, – хочу побывать на рынке в Тамбовске. Вдруг он закроется?

Владимир посмотрел на часы.

– Базар существует за счет курортников, поэтому открыт до десяти вечера. Многие отдыхающие по вечерам покупают вино, фрукты. Я хотел показать вам каретный сарай, находящийся на территории Дома здоровья. И здание, в котором расположен интернат, тоже весьма примечательно. Анатолий возвел его...

Я не удержалась и зевнула.

Владимир осекся.

– Похоже, я утомил вас. Давайте отложим продолжение экскурсии на завтра.

– Отличная идея, – кивнула я.

– Как вы собираетесь добираться до Тамбовска? – поинтересовался Володя.

– На электричке, – бойко соврала я, – уже билет купила.

Вруна всегда можно поймать на мелких деталях, о которых он не подумал. Помню, лет в семь я побежала после уроков с подружками в парк, забыв о том, что нужно нестись домой и помогать тетке чистить двор от снега. Славно поиграв в снежки, построив бабу и накатавшись с горки на картонке, я прилетела в нашу крохотную квартиру и услышала от Раисы:

– Где была?

Не успел вопрос повиснуть в воздухе, как я вспомнила, что бросила тетку один на один с лопатой, испугалась наказания и начала вдохновенно врать:

– По дороге встретила бабушку, она упала, сильно ушиблась, попросила проводить ее до дома. Старушка очень медленно шла, прямо тащилась, лифта у нее в доме нет, на десятый этаж я ее еле-еле втянула.

– Ой-ой, – покачала головой Раиса, – ты молодец, настоящий октябренок, не бросила бабулю. Далеко она живет?

– Слева от метро, – соврала я, – идти к ней почти час.

Тетка прищурилась.

– Название улицы?

– Какой? – не поняла я.

– Той, где многоэтажная башня без лифта находится, – уточнила Раиса.

Я растерялась, потому что понятия не имела, какие улицы расположены за входом в подземку, поскольку туда еще никогда не бегала. Нет бы мне сказать, что старушка обитает в

соседнем со школой здании... Но как тогда объяснить свое длительное отсутствие?

– Ну... – поторопила меня тетка.

– Не знаю, – прошептала я, – бабуля мне не сказала.

Раиса взяла в руки веник и стукнула меня им по попе.

– Вот ведь как интересно! Пенсионерка попросила тебя: «Девочка, помоги мне добраться до дома, а где тот расположен, не сообщу». И несчастная старушка целый час шла пешком!

Досталось тогда мне на орехи полной мерой и за то, что забыла помочь тетке, и за вранье.

– На чем? – удивился собеседник. – Электрички у нас не ходят. Где вы билет на нее взяли?

– Ой, я оговорилась, на автобус, – догадалась снова солгать я.

– Он ходит всего два раза в день, утром в семь и в восемнадцать, – тут же пояснил Владимир. – Давайте довезу вас.

Я совершенно не намеревалась тащиться на рынок, мне просто хотелось избавиться от экскурсовода, пойти к морю, поэтому я отказалась.

– Зачем вам беспокоиться, добегу пешком, тут близко.

– Было рядом, – остановил меня экскурсовод, – да сегодня утром мост через реку рухнул. Он давно был хлипкий – деревянный, при царе Горохе построен. Слава богу, никто не погиб. Теперь в Тамбовск только по шоссе попасть можно, а это десять километров. У меня отличный мопед. И никакого

беспокойства нет, я сам собирался на рынок. Поехали!

И что было делать?

– Огромное вам спасибо, – забормотала я и поплелась за Владимиром, который шел по дорожке, веселый, как щенок, безостановочно рассказывая о парке, разбитом Анатодем Борисогубским. И вдруг мой спутник, показывая рукой вперед, сказал:

– Вон он стоит!

Я увидела около административного здания полного мужчину в брюках, пиджаке, шляпе-канотье и воскликнула:

– Это Анатоль? Вы шутите?

Владимир поднял брови.

– Основатель имения давно умер. Вы его видите?

– Кого? – на всякий случай уточнила я. – Мужчину? Да.

– Я говорил о моем новом мопеде, – покачал головой экскурсовод. – Вчера его купил, нарадоваться не могу. Поставил вон там, у стены.

– Прекрасный мотоцикл, – похвалила я.

– Мопед, – поправил Владимир. – А мужчины там нет.

Я поразились до глубины души.

– Неужели? Вот же стоит в черном костюме: пиджак, брюки, головной убор с небольшими полями.

– Нет никакого мужика, – прошептал Володя. – Так и знал, что он иногда появляется. Кое-кто рассказывал, а я не верил. Думал, наш народ суеверный, местные жители умом особым не отличаются, малообразованны. Но вы-то не из местных,

вы писательница... Анна Семеновна!

Мужик обернулся и поспешил к нам. Чем ближе он подходил, тем яснее я понимала: это женщина. И вовсе не брюки на даме, а юбка в пол. То, что я приняла за пиджак, было блузой с давно не модными подплечиками. Что же касается шляпы, то она оказалась с выкрашенными в цвет майонеза волосами, заплетенными во множество тоненьких косичек, которые уложили причудливым образом. Прическа имела круглую форму – ну просто типичная верхняя часть канотье. В самом низу «мышинные хвостики» распределились кольцом и напоминали поля мужского головного убора. Оставалось непонятно, почему косички не падают.

Никогда ранее я не видела такой прически. Один раз в программе у телеведущего Балахова в качестве эксперта выступала женщина-политик, я заслушалась ее речью – дама говорила коротко, ясно, по делу и очень умно, не пыталась ничего из себя изображать, не подлизывалась к звезде экрана, не перебивала участников шоу, не вопила, никого не осуждала. Очень она мне понравилась. У этой симпатичной женщины была прическа, описать которую я не берусь. Больше всего укладка напоминала взлетное поле аэродрома, не хватало только самолетов и пассажиров с чемоданами. И вот теперь я встретилась с женщиной, имеющей на голове «шляпу из соломки».

– Анна Семеновна Рамкина, директор Дома здоровья, – прошептал Владимир, представляя нас друг другу. – Наша

гостья, писательница Арина Виолова...

– Можешь не продолжать, – пронзительным дискантом велела экскурсоводу директор Дома здоровья. – Здравствуйте, Виола Ленинидовна.

– Добрый день, – улыбнулась я. – Анна Семеновна, давайте без отчества, а то я чувствую себя старухой Изергиль.

– Устраивает, – пропищала директор. – Но тогда я Аня, иначе получится, что вы юная девушка, а я пенсионерка.

– Анна Семеновна, – опять прошептал Володя, – Виола видела Анатоля. Он стоял около моего мопеда.

– Понимаете... – начала я и остановилась.

У директрисы голос маленькой девочки, но внешне Рамкина напоминает мужчину. Дама смотрит на себя в зеркало и, конечно, видит, что она широкоплечая, коренастая, без признаков талии, с большим животом. Фигура ей досталась по мужскому типу, да и черты лица у нее словно топором срублены. Сказать: «Нет, нет, за представителя сильного пола я приняла Анну Семеновну» – означает обидеть даму, которая и без того небось комплексует из-за своей внешности. Что же делать? Как выкрутиться?

– Понимаете, э... э... я ошиблась. Приняла за Анатоля э... дерево. Ну да, ель. Хи-хи! Очень глупо вышло, но Владимир так увлеченно рассказывал о барине, что мне на секунду почудилось...

– У административного здания нет высоких посадок, – возразила Рамкина, – там только клумбы.

– Значит, я приняла за дядьку мотоцикл Владимира, – выпалила я.

– Мопед, – незамедлительно поправил экскурсовод. – Но, Виола, вы же упомянули брюки, пиджак, шляпу-канотье.

Я покосилась на голову Анны Семеновны.

– Велосипед не носит одежду, и головной убор ему без надобности, – договорил преподаватель математики. – Анатоль был здесь!

– Так вспомните, какое сегодня число! – подпрыгнула начальница интерната.

– О-о-о... – попятился мой спутник и начал креститься. – День рождения владельца имения и его несчастной дочери! А-а-а-а! Вот же Анатоль! Господи! Люди правы!

– Где? – обомлела я.

– Умоляю, все замрите, – еле слышно произнес экскурсовод, вытаскивая из кармана телефон. – Виола, не двигайтесь.

Я послушно застыла.

– Успел... – выдохнул Владимир. – Это сенсация! Смотрите!

Мы с Анной Семеновной, чуть не столкнувшись головами, посмотрели на экран. Я увидела свое изображение. Да уж! Не стоило мне ехидничать по поводу странной прически директрисы Дома здоровья, я сейчас выгляжу волшебно: волосы торчат дыбом, одна бровь значительно шире и чернее другой, нижняя губа криво намазана розовой помадой, верхняя осталась ненакрашенной.

– Он! – затряслась Рамкина. – Анатолий!

– Ничего не вижу, – призналась я.

– Да вот! – хором воскликнули педагоги. – Справа, на тень посмотрите, на землю. Круглое – это шляпа, потом пиджак, брюки...

Я решила привести фанатов призрака в чувство.

– Действительно, темное пятно отдаленно напоминает человеческую фигуру, но это тень от чего-то. Владимир, вы собирались довести меня до рынка.

– Да, – опомнился экскурсовод, – конечно.

– В Тамбовск поедете? – обрадовалась директриса. – Володенька, доставь моей маме пакет с вещами. И хорошо бы еще кашпо ей передать.

– С радостью бы, да деть поклажу некуда, багажник отсутствует, – объяснил Владимир.

– Жаль, мама расстроится, – запищала Анна Семеновна. – О! Володя, у тебя шлем для пассажира есть?

– Нет, – признался преподаватель.

– По шоссе машина ДПС ездит, – объяснила Рамкина, – полицейские ловят всех, кто правила нарушает. Мостик через речку квакнулся, народ на велики-мотоциклы сел, а каска на голову не у каждого куплена. Раису Петровну, нашего врача, утром поймали и большой штраф содрали.

– Что же делать? – пригорюнился Владимир.

Я обрадовалась.

– Езжайте один.

– Виола, дорогая, вам хочется на рынок, не надо отказываться от своей мечты, – засуетилась Рамкина. – О, у меня гениальная идея – кашпо! Сейчас все чудесно устроится. Садитесь на мотоцикл.

– Мопед, – занудно уточнил Владимир, – у меня денег только на него хватило.

– Прекрасно, вы пока седлайте «коня», а я сейчас вернусь, – пообещала директриса и скрылась в административном здании.

Глава 11

Не успел Владимир отстегнуть замок, с помощью которого прикрепил свое драгоценное приобретение к фонарному столбу, как Анна Семеновна возникла перед нами с коричневым пластиковым ведром в руке.

– Кашпо! – торжественно заявила она. – И что в особенности удобно в создавшейся ситуации, оно имеет завязочки.

– Действительно, – удивилась я. – Зачем таре для цветов тесемки по бокам?

– Чтобы повесить его в саду, – пояснила Рамкина, – натягиваете меж деревьев веревку, к ней приматываете кашпо, и получается ландшафтный дизайн. Но вот моя гениальная идея. Для Виолы ведь нет шлема?

– Нет, – грустно подтвердил Владимир, – хотел ей свой отдать.

– А я придумала выход, – возликовала Анна Семеновна и водрузила мне на голову пластиковое ведро. – Вот, прямо как для вас создано, Виолочка. Сейчас тесемочки завяжем, и, битте-дритте, у вас тоже есть шлем! Ни один гаишник не привяжется! А если коршуны дорог все же тормознут вас, начнут придиратся к виду, форме и качеству каски, спокойно отвечайте: «Покажите в правилах дорожного движения место, где указано, как она должна выглядеть». И все, алчные грифы в нокауте. Отлично законы знаю, там просто на-

писано: шлем обязателен. Почему, Виолочка, у вас удивленный вид? Что-то не так?

Я пощупала ведро на голове.

– Кашпо довольно высокое, но моя макушка упирается в дно, оно мягкое.

Анна Семеновна довольно рассмеялась.

– Я на редкость сообразительна, живо поняла, что пластмассовая красота на вас до груди наденется, и засунула внутрь кофты со свитерами, которые маме отправить надо. У нее нет стиральной машинки, для мамули я прачка. Сразу двух зайцев убиваю: вас по правилам экипировала и вещи передаю. Лучше и не придумать. Ну, вперед и с песней!

– Виола, садитесь, – предложил Владимир, – вам предстоит стать первым пассажиром моего Буцефала, так я назвал мопед. Буцефал был конем Александра Македонского...

Под занудный рассказ экскурсовода, сообщавшего то, что известно почти каждому, я уюстилась на жестком сиденье и обняла «байкера» за талию. Владимир завел мотор, мопед чихнул, икнул, пукнул и довольно бойко покатил по дороге, издавая оглушительные звуки, напоминающие пулеметную очередь.

Спустя некоторое время чудо автопрома прибавило скорости, а водитель вдруг запел, вернее завопил:

– «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят, у высоких берегов Амура часовые Родины стоят...»

Я не разделяла замечательного настроения экскурсовода.

Дорога, по которой мы двигались в сторону рынка, изобиловала ямами и колдобинами, мопед трясло, я безостановочно подпрыгивала на сиденье, панически боясь свалиться с него.

Владимир поддал газу.

– Давайте поедem потише, – крикнула я, перекрывая свист в ушах.

– Тут дорога идет под уклон, – проорал в ответ водитель, – мопед сам ускорился.

Я вцепилась во Владимира покрепче и зажмурилась. Спасет ли мою глупую голову кашпо, если я рухну на асфальт? Почему у меня не хватило смелости прямо сказать назойливому экскурсоводу: «Большое спасибо, я устала, хочу отдохнуть». И все, сейчас бы сидела спокойно в номере, а не холодела от ужаса, трясясь на этом двухколесном кошмаре.

– Я же торможу! – вопил между тем Владимир. – Торможу, торможу, торможу! Стой, замри наконец!

Что-то пнуло меня в грудь, затем еще сильнее в спину, потом поволокло влево. Я еще теснее прижалась к экскурсоводу и зажмурилась.

– Парень ты ...! – заорал мужской голос. – Ваше ...!

В ту же секунду меня сбоку схватили клещи. В нос ударил запах табака, лука, рыбы и еще чего-то знакомого. Треск мопеда стих.

– Какого лешего твоя баба с горшком на голове сидит? – зашумел все тот же бас.

Клещи разжались, мопед зашатался. Я боялась открыть

глаза.

– Да что ж ты творишь? – заорали слева. – Ща...

Продолжение фразы не достигло моих ушей, я упала и покатила кудато. Наконец остановилась и ощутила аромат цветов, травы.

– Слышь, женщина, ты это, того, глянь на меня, а... – предложил бас. И добавил странное: – Пушистый таракан!

– Она не женщина, – заявил Владимир, – а звезда.

– Типа Земля? – заржал незнакомец.

– Земля – планета, – уточнил экскурсовод. – А перед вами любимая народом писательница Арина Виолова.

– Про такую не слышал, – немедленно отреагировал бас. – Вадима Панова читаю, вот он круто пишет, реальный мужик.

Я открыла глаза и увидела, что лежу в неглубокой придорожной канаве, вокруг синеют какие-то цветочки и зеленеют лопухи.

– Очнулась? – хихикнул парень в форме ГИБДД. – С приездом!

– Больше никогда с ним не катайся, – сурово предостерег меня его коллега, мужчина лет пятидесяти. – Горе-водитель остановиться не смог, хорошо я тебя придержал. И не упала бы ты, да этот твой чудик, пушистый таракан, слез со своего драндулета и уронил мопед набок. Убилась?

– Ну-ка, пошевелите членами, – велел мне молодой.

– Думай, что говоришь, Петр, – оборвал его напарник, – перед тобой женщина, у нее ничего такого от природы нет.

Пушистый таракан!

– Руки-ноги на месте, – сказал парень, – и голова на шее. Валерий Федорович!

Молодой гайшник показал пальцем в сторону. Я проследовала взглядом за его рукой и увидела неподалеку от себя лежащее на боку кашпо. Понятно: после того как я рухнула в овраг, у импровизированного шлема развязались тесемки, и он свалился с моей макушки.

– Это что, ведро? – грозно спросил старший по званию.

– Шлем такой, – возразила я.

– Сказал уже, это звезда, писательница Арина Виолова, – забубнил Владимир, – только что из Москвы, поселилась в гостинице у Марины Ивановны. Шлем из столицы прихватила, у них там все в таких катаются.

– Во дают... – искренне удивился Петр. – Хм, один в один на наше помойное ведро похож, только Нинка красное купила. Можно посмотреть, какой он внутри?

Я не успела ответить, парень поднял кашпо, заглянул в него и присвистнул.

– Ого! Валерий Федорович, это ж они.

– Кто? – не сообразил напарник.

Юноша перевернул кашпо, на землю вывалились вещи.

– Пушистый таракан! – воскликнул старший. – Ну, попались, голубчики. Стоять! Руки на машину, ноги на ширину плеч!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.